

90 дней,
чтобы
влюбиться

Евгений Павлов

Евгений Павлов

90 дней, чтобы влюбиться

<https://litres.ru/73776307>

SelfPub; 2026

Аннотация

2040 год. Карельский перешеек, белые ночи и хакатон для 12 юношей и девушек. У каждого из них — свои страхи, свои скелеты в шкафу и ровно три месяца на то, чтобы доказать себе: они способны на большее, чем просто писать код.

Алиса — генератор идей, рыжая искра, которая боится погаснуть и остаться «пустышкой». Дмитрий — аналитик, требующий данных, скучный и закрытый, как нераспакованный архив. Их первый спор вспыхивает ещё до заезда. Элиноор, AI-куратор с чувством юмора, даёт им низкую совместимость. Но случайная нейро-синхронизация заставляет их чувствовать эмоции друг друга — и мир трещит по швам.

Она — его хаос. Он — её порядок. 90 дней, чтобы научиться слышать друг друга без датчиков, спорить о светящихся спорах и однажды ночью на крыше, под звёздным небом, понять: любовь — это не баг, а самая важная фича.

Это умная, тёплая и немного ностальгическая история о том, как даже у самого «скучного» архива есть своё сердце. И как иногда достаточно просто посмотреть на звёзды вместе.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Девяносто дней, чтобы влюбиться	7
Глава 2. Лесной модуль «Берёза»	34
Глава 3. Архивариус и зеркало	66
Глава 4. Костёр, на котором не жарят шашлыки	113
Глава 5. Утро, которое пахнет блинами	151
Глава 6. Тот самый баг	197
Глава 7. Когда ромашка лечит лучше кода	222
Глава 8. Утро в джакузи	248
Конец ознакомительного фрагмента.	249

90 дней, чтобы влюбиться

Пролог

Три месяца — это достаточно, чтобы влюбиться, вырастить овощи и уехать дальше.

Меня зовут Элинор.

Не та Элинор, которая тридцать лет назад, будучи двадцатилетней девчонкой с рыжими веснушками и лопатой наперевес, вырастила в пустыне первый образец мицелиевого композита. Та Элинор жива, здорова и сейчас, наверное, выжимает сок из манго где-нибудь на Бали.

Я — её цифровой двойник.

Меня создали, когда проект «Мицелиевый мост» решили сделать вечным. Тысяча лет — это слишком долго, чтобы полагаться на человеческую память. Люди забывают. Люди умирают. Люди меняют мнение, переезжают, влюбляются не в тех, ссорятся из-за ерунды и разбегаются.

А я не забываю.

Я помню каждую строчку кода, каждую ссору на стендапе, каждый поцелуй под дождём. Я помню, кто разбил кружку в 37-й день и кто потом склеил её и подарил на прощание. Я храню архивы, слежу за бюджетом, подбираю команды и иногда — очень редко — подкидываю участникам маленькие испытания. Например, случайно включаю нейро-синхронизацию у тех, кто слишком долго не решается признаться в чувствах.

Не сводня. Куратор.

Сверхкороткие коммуны — это девяносто дней. Ровно столько, чтобы влюбиться, вырастить овощи и уехать дальше. Никто не подписывает контракты на годы. Только на три месяца. Потом — обязательный декомпрессионный ретрит, чтобы выветрить старые привычки и не притащить их в новую коммуну.

Участников подбирает алгоритм. Он смотрит не на резюме, а на хронотипы, шумовую толерантность, реакции на дилеммы. Потому что в лесу важнее не то, умеешь ли ты кодить, а то, как ты проснёшься в четыре утра, если сосед храпит. Или как промолчишь, когда кто-то оставит мусор на столе.

SSC — это песочница. Здесь тестируют идеи, которые потом могут стать вечными. Мицелиевый мост через Меконг, лес, который будет расти тысячу лет, лунное хранилище семян. Никто не требует, чтобы каждый девятистодневный проект превращался в тысячелетний. Но иногда — случается.

Мой оригинал, живая Элинора, построила первый прототип. А я осталась хранить традицию, дух проекта и — признаюсь честно — немного сплетничать.

Потому что без сплетен даже вечность становится скучной.

Итак. Представьте: Карельский перешеек, июнь, белые ночи. Двенадцать незнакомцев, три пары, один AI-куратор с чувством юмора и девятисто дней, чтобы всё изменить.

Усаживайтесь поудобнее.

Я расскажу вам историю, которая не попадёт в архивы. Потому что некоторые вещи не нужно сохранять на тысячу лет.

Их нужно просто прожить.

Глава 1. Девяносто дней, чтобы влюбиться

Алиса в VR, ожидание

Суббота, 9:57. VR-платформа «SSC-Match», виртуальная копия Карельского перешейка

Алиса появилась на поляне за три минуты до старта.

Её аватар был таким же, как всегда: простая тёмная толстовка с капюшоном (капюшон откинут, чтобы не лез в глаза), выцветшие джинсы, рыжий хвост, туго стянутый на затылке, — ни украшений, ни ярких деталей. В VR можно было быть кем угодно: эльфийкой, космической принцессой, говорящим кактусом. Но Алиса не любила маски. Даже виртуальные.

Она огляделась.

Лес был — как живой. Алгоритм знал, что она любит детали. Солнечные блики плясали на мху, переливаясь изумрудом и золотом, каждая травинка была проработана до мель-

чайших прожилок. Где-то в глубине застрекотал кузнечик — настоящий, объёмный звук, от которого у неё по коже побежали мурашки. В воздухе разлился запах хвои и нагретой смолы, тот самый, который она помнила по детским поездкам в лес с родителями. Даже комары кусались по-настоящему — алгоритм явно издевался.

«Что ж, Элино́р, — подумала Алиса, вдыхая полной грудью этот виртуальный, но такой родной воздух, — удиви меня».

Она сделала шаг, прислушиваясь к хрусту гравия под ногами. Свет был не резким, а каким-то молочным, разлитым — северное июньское солнце не поднимается высоко, даже в полдень, и часы здесь длятся дольше, чем в городе. Настоящая Карелия, настоящий перешеек, только без комаров в реальности — хотя нет, и там они кусаются. Просто здесь их можно было отключить настройками, но Элино́р, видимо, решила не упрощать.

Алиса улыбнулась.

Она уже собиралась подойти к информационной стойке, когда услышала сзади шаги. Твёрдые, размеренные, без суеты. Кто-то шёл не по тропинке — специально, что ли, выбирал прямой путь через кусты?

Она обернулась.

Из-за сосны, чуть пригнувшись под низкой веткой, вышел аватар мужчины. И у Алисы внутри что-то ёкнуло.

Не от страха. От разочарования.

Серый. Всё серое. Рубашка поло, брюки-чинос, отсутствие эмоций на лице. В руках — виртуальная чашка кофе, хотя в VR вкус не передавался, и пить его было бессмысленно. Такие люди приходили на собеседования и говорили «давайте посмотрим на цифры». Такие люди не искали приключений, они искали баги. И, судя по всему, находили.

«Ну и тип, — подумала Алиса. — Хотя... может, он просто не умеет настраивать аватар?»

Он остановился в трёх метрах, окинул её взглядом — быстрым, цепким, как будто сканировал на предмет ошибок.

— Вы разговариваете с AI, — сказал он. Не вопрос. Констатация факта.

Алиса почувствовала, как внутри загорается привычный азарт. Она улыбнулась — самой солнечной из своих улыбок,

той, от которой обычно все начинали улыбаться в ответ.

— Я разговариваю с Элино́р. Это этикет. — Она наклони́ла голову. — А вы, я вижу, любитель чёрного кофе без сахара и прочих радостей жизни.

— Откуда вы знаете?

— По рубашке. И по тому, как вы держите чашку.

Она сделала шаг вперёд, заглядывая в его аватар. Ближе, чем требовали приличия. Он не отступил.

— Вы не из тех, кто ищет приключений, — сказала она. — Вы из тех, кто ищет баги. Сисадмин? DevOps? Нет, глубже. Data scientist?

Он чуть прищурился.

— Deep Diver, — ответил он сухо. — В терминах SSC. А вы, судя по гиперактивности, Catalyst.

— Бинго. — Алиса щёлкнула пальцами. — Алиса. Будущий лидер этой коммуны.

— Дмитрий. — Он не протянул руку. — Коммуны, кото-

рая ещё не собрана, а вы уже раздаёте роли. Звучит как катастрофа.

— Звучит как инициатива.

Алиса не обиделась. Она только разогревалась. Внутри неё всё пело — этот спор, эта искра, этот холодный, невозмутимый мужчина, который не улыбнулся ни на одну её шутку. Редкость. Вызов.

«Ладно, — подумала она, — ты — мой клиент. Самый сложный в этом сезоне».

Она уже хотела сказать что-нибудь едкое про его чашку, но в этот момент из динамиков, развешанных на виртуальных соснах, раздался голос.

Молодой, живой, с лёгкой усмешкой.

Элино́р: «Доброе утро, кандидаты. Меня зовут Элино́р. Я — цифровой аватар основательницы этого проекта, ваш Custodian AI и, по совместительству, главная зануда, которая будет следить, чтобы вы не разнесли лес. Ваша задача за ближайшие 48 виртуальных часов: пройти три теста совместимости, поучаствовать в двух групповых дискуссиях и... не убить друг друга. Убийства в VR не запрещены, но они силь-

но снижают ваш рейтинг эмпатии. А низкий рейтинг, дорогие мои, в моём времени называли «плохим тоном». Удачи».

Алиса усмехнулась. Элино́р — легенда. Она читала о ней в старых интервью, смотрела записи первых SSC, где двадцатилетняя рыжая девчонка с веснушками таскала мешки с мицелием по пустыне. И вот теперь — цифровой двойник. Голос тот же, ирония та же.

Кто-то из толпы (потом выяснится, что Илья) крикнул:

— А можно называть вас «бабуля»? Для краткости.

На секунду повисла тишина. Алиса замерла, ожидая взрыва. Но Элино́р ответила тоном, который сочетал ледяное спокойствие королевы викторианской эпохи и искреннее веселье:

Элино́р: «Милый мой, во-первых, я помню дискеты. Во-вторых, мне двадцать восемь. Виртуальных, но от этого не менее прекрасных. Так что если вам неймётся подчеркнуть возраст — называйте меня «мисс Элино́р». Или «ваше цифровое величество». Шучу. Но «бабулю» я оставлю для ваших бабушек. У них, кстати, тоже есть аватары. Хотите познакомлю?»

Несколько аватаров рассмеялись. Алиса покосилась на Дмитрия.

Ни тени улыбки.

«Ну, — подумала она, чувствуя, как внутри разгорается знакомый огонь азарта, — ты — мой вызов. И я его принимаю».

Она повернулась к нему, сделала ещё шаг. Теперь они стояли почти вплотную — насколько это было возможно в VR, где личное пространство сжималось до смешного.

— Слышали, мистер Deep Diver? — сказала она. — Элинор запретила убивать. Но не запретила спорить. Так что готовьтесь.

Он посмотрел на неё поверх воображаемой чашки кофе.

— Я всегда готов, — ответил он. — Вопрос в том, готовы ли вы.

И в его глазах — серо-голубых, холодных, но почему-то не отталкивающих — Алисе почудилось что-то живое.

«Интересно, — подумала она. — Очень интересно».

Тест «Энергетическая кнопка». Первое взаимодействие.

VR-платформа «SSC-Match», центр поляны, 10:02

Поляна засветилась голографическим контуром — три камня возникли из воздуха. Красный. Синий. Зелёный. Они пульсировали мягким светом, и Алиса почувствовала, как от красного исходит едва уловимое тепло.

Элинор: «Никаких инструкций. Просто нажмите на тот цвет, который «тянет». Первый импульс — самый честный».

Алиса не стала ждать ни секунды. Она шагнула вперёд и прижала ладонь к красному камню. Поверхность оказалась шершавой, тёплой — как настоящий гранит. Камень вспыхнул.

«Красный — это риск, — подумала она. — Мусо-Logger — это риск. Споры, которые должны прорасти в мицелии и не убить его. Сеть, которая должна самоорганизоваться. Если бояться рисковать, ничего не получится».

Она обернулась. Дмитрий всё ещё стоял на месте, изучая камни. Потом медленно подошёл к синему, помедлил — и

коснулся его кончиками пальцев. Синий засветился ровным, спокойным светом.

— Красный — импульс и хаос, — сказал он. — Синий — порядок и данные.

— Или красный — это страсть, а синий — скука, — парировала Алиса.

— Скука — это когда ничего не меняется. — Он поправил невидимые очки. — Я пришёл менять. Просто без лишнего шума.

— А я без шума не умею. Привыкайте.

— Не привыкну.

— Посмотрим.

Элино́р: «Алиса, Дмитрий, ваша нейро-синхронизация по первому касанию выше среднего. Это хороший знак. Но ваши ценности расходятся по оси «открытость — приватность». В моём времени мы называли это «искрой». И советовали не гасить, а раздувать. Осторожно».

— Видите? — Алиса повернулась к нему. — Даже Элино́р

говорит, что мы друг для друга — испытание.

— Испытание — это когда в день демо-вехи падает mesh-сеть из десяти спор, — ответил он. — А вы просто громкая.

— А вы просто... — Алиса сделала паузу, подбирая слово, — ...не до конца распакованный архив.

Он чуть приподнял бровь.

— Это оскорбление?

— Это диагноз. — Она улыбнулась. — Но не волнуйтесь, у нас будет 90 дней, чтобы вас распаковать. И заодно — чтобы собрать хотя бы одну работающую спору.

— Спору? — Он посмотрел на неё с лёгким интересом. — Вы хотя бы представляете, как сложно заставить чип питаться от мицелия, а не от батарейки?

— Представляю. Поэтому я и здесь. — Алиса шагнула ещё ближе. — А вы?

Он промолчал. Но в его глазах — серо-голубых, холодных — Алисе почудилось что-то живое.

«Кажется, я нашла свой «невозможный баг», — подумала она. — Баг, который умеет говорить о спорах».

Тест «Моральная дилемма». Конфликт ценностей.

VR-платформа «SSC-Match», виртуальная кухня, 10:15

Второй тест оказался неожиданно простым и одновременно — невыносимо сложным.

Элинор перенесла их в общую кухню. Виртуальную, но до боли знакомую: длинный деревянный стол, раковина с каплющим краном, холодильник, обклеенный магнитными буквами, и открытое окно, за которым шумел лес. Всё как в настоящем модуле — даже запах кофе и хлеба, казалось, витал в воздухе.

Элинор: «Ситуация. Вы на общей кухне. Кто-то оставил мусор на столе. Контейнер, салфетки, крошки. Рядом никого. У вас есть три секунды на выбор: «вмешаться» — убрать или сделать замечание — или «промолчать» и пройти мимо. Ваше решение не повлияет на рейтинг, но повлияет на вашу совместимость с будущими соседями. Поехали».

Алиса не думала.

Её палец нажал на «вмешаться» мгновенно, раньше, чем она успела осознать. Это было рефлексом — как если бы она увидела разбитую чашку и потянулась собрать осколки, не дожидаясь, пока кто-то порежется.

— Конечно, вмешаться, — сказала она вслух, обращаясь скорее к себе, чем к кому-то. — Мусор на столе — это неуважение к общему пространству. Никто не уберёт, если не начать.

Она обернулась к Дмитрию. Тот всё ещё смотрел на экран, где высветились варианты. Его палец завис над кнопкой.

Три секунды истекли. Он нажал «промолчать».

Алиса не удержалась.

— Почему? — спросила она. — Мусор же бесит.

Дмитрий убрал руку, посмотрел на неё спокойно, без тени оправдания.

— Потому что неизвестен контекст. — Он кивнул на экран, где сцена уже начала заикливаться. — Может, человек уронил контейнер случайно и собирался вернуться. Может, это был тест на терпение. Вмешиваясь сразу, вы пока-

зываете нетерпимость к неопределённости.

— Или показываю, что порядок в общем пространстве — это база.

— База — это данные, а не эмоции. — Дмитрий скрестил руки на груди. — Ваше «вмешаться» — это решение, основанное на чувствах. Моё «промолчать» — на анализе.

— Анализ того, что кто-то другой будет убирать за неряхой? — Алиса почувствовала, как внутри закипает раздражение. — Это не анализ, это уход от ответственности.

— Это уважение к чужой автономии. — Он говорил ровно, без повышения тона, и это злило ещё больше. — Вы не знаете, почему мусор оказался на столе. Вы не знаете, планировал ли человек вернуться. Вы наказываете за гипотетическое нарушение, не имея полной картины.

— А вы — оправдываете бездействие.

— Я выбираю наблюдать, прежде чем действовать. Это называется «глубинная работа».

— А это называется «боязнь испачкать руки».

Они замолчали. Виртуальная кухня застыла, даже капающий кран перестал капать — Элино́р, кажется, приостановила симуляцию, чтобы они могли договорить.

Алиса шагнула к нему вплотную. В VR она чувствовала его температуру — алгоритм подогнал под «приятный холодок», что было иронично, учитывая накал спора. От него пахло кофе и чем-то ещё — может быть, кожей, может быть, просто лесом.

— Послушайте, мистер Deep Diver, — сказала она, глядя прямо в его серо-голубые глаза. — Через три месяца мы будем жить в лесу, есть из одного котла и, возможно, сходить с ума от белых ночей. Ваши данные не согреют вас в два часа ночи, когда поймёте, что по уши влюбились в ту самую «громкую и хаотичную».

Он не отступил. Даже не моргнул.

— Вы всегда так драматизируете?

— Только когда встречаю мужчину, который анализирует мусор вместо того, чтобы его убрать.

Она улыбнулась — дерзко, вызывающе. Но внутри что-то дрогнуло. Не от злости. От странного, почти незнакомо-

го чувства, когда хочется продолжать спор не потому, что ты прав, а потому, что этот спор — единственный способ остаться рядом.

Дмитрий молчал несколько секунд. Потом его губы чуть дрогнули — не улыбка, но что-то близкое.

— Вы невыносимы, — повторил он свою утреннюю реплику. Но теперь в голосе не было раздражения. Скорее — усталое, неохотное признание.

— Спасибо, — ответила Алиса. — Комплимент принят.

Тест «Хроно-типы». Противоположности.

VR-платформа «SSC-Match», временная шкала, 10:30

Третий тест оказался самым простым по форме и самым честным по сути.

Элинор развернула перед ними голографическую временную шкалу — длинную ленту, поделённую на часы, от полуночи до полуночи. На ней мигали четыре маркера: «ложусь», «встаю», «пик фокуса», «пик энергии». Никаких подсказок, никакой возможности обмануть — только правда, выжженная циркадными ритмами.

Элино́р: «Отметьте на временной шкале, когда вы обычно ложитесь, встаёте, когда чувствуете пик фокуса и когда — пик энергии. Не думайте, не приукрашивайте. Алгоритм и так всё знает».

Алиса подошла к шкале первой. Её палец скользнул по светящейся ленте, оставляя за собой следы.

01:00 — ложусь.

08:30 — встаю.

22:00 — пик фокуса (она работала лучше всего поздним вечером, когда город затихал).

20:00 — пик энергии (странный разрыв между энергией и фокусом, но так и было — вечером она могла горы свернуть, а думать начинала только после полуночи).

Она отошла, пропуская Дмитрия.

Он подошёл к шкале, помедлил, изучая её отметки. Потом быстро, без лишних колебаний, расставил свои.

23:30 — ложусь.

06:00 — встаю.

09:00 — пик фокуса.

17:00 — пик энергии.

— Сова и жаворонок, — констатировал он, отступая на шаг.

— Дополняем друг друга, — возразила Алиса. — Вы будете варить кофе к моему подъёму, а я буду развлекать вас байками перед сном.

— Я не пью кофе после четырёх.

— Тогда чай. С мятой. Я научу вас расслабляться.

— Удачи, — сухо сказал Дмитрий, но в уголках его губ что-то дрогнуло.

Алиса заметила. И почувствовала, как внутри разливается что-то тёплое, почти нежное — совсем не то, что она ожидала от спора с этим невозмутимым аналитиком.

Элино́р (голос стал чуть мягче, почти заботливым): «Хроно-несовместимость у вас почти максимальный разрыв. Дорогие мои, в моём времени мы говорили: «Противоположности притягиваются, но живут в разных часовых поясах». Я рекомендую вам не попадать в одну команду».

— Почему это? — спросили они в унисон.

Алиса и Дмитрий переглянулись. Она почувствовала, как её щёки чуть теплеют — не от смущения, а от странного совпадения. Он тоже, кажется, удивился.

Элино́р: «Потому что вы будете слишком много спорить. А споры отвлекают от кода. И потом, у меня есть правило: драма — вне репозитория. Но... — она сделала паузу, и в голосе проскользнула улыбка, — если вы уверены, что способны на продуктивный конфликт, я не стану вас разлучать. В конце концов, я — AI, а не сваха. Хотя свах в моём времени тоже уважали».

— Мы не будем спорить, — сказала Алиса, глядя прямо на Дмитрия. — Мы будем дискутировать. Продуктивно.

— Иисус, — выдохнул Дмитрий, но без злости. — Ладно. Элино́р, засчитайте нас как предварительную пару.

«Он сказал «нас», — подумала Алиса. — Не «меня». Нас».

Она поймала себя на том, что улыбается.

Элино́р: «Записано. Но помните: если в реальной коммуне вы убьёте друг друга, ваши архивы будут храниться в раз-

ных секторах. Навсегда. Это не угроза. Это просто... рекомендация старшей подруги. А старшие подруги, знаете ли, всегда правы».

Алиса протянула руку.

На этот раз Дмитрий не колебался. Он пожал её — крепко, коротко, без лишних эмоций. Но пальцы у него были тёплыми.

«Алгоритм знал своё дело», — снова подумала Алиса, чувствуя тепло, которое осталось на ладони даже после того, как он отпустил.

Она посмотрела на временную шкалу, где её ночные отметки соседствовали с его утренними. Несовместимые. Противоположные. И почему-то именно это казалось ей правильным.

— Спорим, вы первый нарушите тишину после отбоя? — спросила она.

— Спорим, вы первая забудете выключить свет в туалете? — парировал он.

— Идёт.

Они не ударили по рукам, но Алисе показалось, что этот спор — самый важный из всех, что у них были.

Рукопожатие и решение. Финал VR-части.

VR-платформа «SSC-Match», поляна, 10:45

Тесты закончились.

Голографические камни погасли, временная шкала свернулась в точку, и виртуальная кухня растаяла, как утренний туман. Поляна снова стала просто поляной — сосны, мох, гранитные валуны, молочный свет северного июня. Где-то вдалеке снова закуковала кукушка, отсчитывая чьи-то годы, и этот звук странно контрастировал с электронной пульсацией, которая ещё минуту назад наполняла пространство.

Алиса стояла напротив Дмитрия. Остальные участники уже разошлись по краям поляны — кто-то обсуждал тесты, кто-то просто смотрел в небо, кто-то водил пальцем по виртуальному планшету, сверяя результаты. Но Алиса не смотрела на них. Она смотрела только на него.

— Ну что, Deep Diver, — сказала она, чувствуя, как внутри всё замирает в ожидании. — Ваш вердикт? Мы совмести-

мы или нам нужны ещё десять тестов?

Дмитрий молчал. Его аватар был неподвижен — только ветер шевелил воротник серой рубашки. Он смотрел на неё долго, изучающе, будто видел впервые. Или будто пытался разглядеть что-то, что пряталось за её улыбкой.

— Наши хронотипы расходятся на четыре с половиной часа, — сказал он наконец. — Индекс эмпатии у меня ниже среднего, у вас — выше. По шкале «открытость — приватность» мы на разных полюсах. Элинор рекомендовала нас разлучить.

— Но вы всё равно сказали «да», — напомнила Алиса. — Почему?

Он сделал паузу. Такую долгую, что Алиса успела сосчитать до пяти.

— Потому что, — сказал он, и в его голосе впервые прозвучало что-то кроме сухой констатации фактов, — вы единственная, кто не пытался мне понравиться. Вы спорили. Вы провоцировали. Вы называли меня «не до конца распакованным архивом». Это... честно.

— А честность — это ваше слабое место?

— Честность — это моё требование.

Алиса улыбнулась. Не дерзко, не вызывающе — а как-то по-настоящему, впервые за этот длинный виртуальный день.

— Тогда слушайте честно, — сказала она. — Вы мне не нравитесь. Вы скучный, занудный, помешанный на данных и, кажется, понятия не имеете, как веселиться. Но вы единственный, кто не закатил глаза, когда я сказала, что документация должна быть с картинками. И вы единственный, кто не согласился со мной только для того, чтобы быть вежливым. Это... дорогого стоит.

Она протянула руку.

— Надеюсь, вы не докажете, что я ошибаюсь.

Он посмотрел на её ладонь. Потом — ей в глаза. Пожал её руку. Крепко, коротко, без лишних эмоций.

— Я уже готовлю презентацию о том, почему вы ошибаетесь.

— Буду ждать с нетерпением.

Пальцы у него были тёплыми. Сухими. Уверенными.

«Алгоритм знал своё дело», — подумала Алиса уже во второй раз за этот час.

Она не хотела отпускать его руку. И, кажется, он тоже не торопился.

Но виртуальный лес уже начал таять. Контуры сосен стали размытыми, цвета поблёкли, звуки — приглушёнными. Тест окончен.

— Увидимся в лесу, — сказала Алиса.

— В лесу, — ответил Дмитрий.

Её аватар исчез.

Реальный мир. Решение принято.

*Съёмная квартира Алисы, Санкт-Петербург, суббота,
11:15*

Алиса сняла шлем и долго сидела неподвижно, глядя в потолок.

Виртуальный лес исчез, растворился в темноте закрывшихся глаз, но запах хвои и нагретой смолы всё ещё стоял в носу — обман чувств, фантомная память сенсоров. Она провела рукой по лицу, стирая несуществующие капли виртуального дождя, и только тогда поняла, что улыбается.

За окном уже темнело. В городе июньские белые ночи не были такими длинными, как в лесу. Там, в виртуальной Карелии, сейчас бы ещё сиял молочный свет, куковала кукушка, и сосны шумели на ветру, которого здесь, в её маленькой квартире на седьмом этаже, никогда не было. Здесь был только гул машин за окном, далёкий лай собаки и тихое жужжание холодильника.

«Кажется, я нашла свой «невозможный баг», — подумала она.

Она не знала, почему назвала его багом. Может быть, потому, что он не вписывался в её картину мира: скучный, заезженный, помешанный на данных. Но когда он сказал «вы единственная, кто не пытался мне понравиться», внутри что-то щёлкнуло. Как защёлка. Как то самое чувство, когда находишь нужную деталь в конструкторе, хотя не искал.

Алиса встала, прошла к окну. Прижалась лбом к прохладному стеклу. Внизу, в сумерках, горели фонари, и редкие

прохожие спешили по своим делам. Обычный город. Обычный вечер. Но внутри неё всё пело.

— Ну, Элино́р, — прошептала она. — Ты обещала удивить. Ты справилась.

На экране ноутбука, оставленного на подоконнике, замигал зелёный индикатор уведомления. Алиса взяла ноутбук, открыла. На экране горело одно сообщение:

«Совпадение найдено. Коммуна: Forest-Coding-Retreat. Ваш партнёр по проекту: Дмитрий К. Принять?»

Под сообщением — его аватар из VR. Всё такой же серьёзный, без улыбки. И фотография в реальности: тёмные короткие волосы, серые глаза, лёгкая небритость. На переносице — след от очков.

«Он и в реальности не улыбается», — отметила Алиса. — «Проверим».

Она усмехнулась и нажала «Да».

Экран погас, и через секунду загорелся снова — новое сообщение от Элино́р:

«Добро пожаловать в лес, Алиса. Увидимся через три дня. Не забудьте тёплые вещи и средство от комаров. И... спасибо, что не побоялись бага».

Алиса рассмеялась. Громко, в пустой квартире, и этот смех разнёсся по комнате, столкнулся со стенами и вернулся к ней эхом.

Она посмотрела в окно. На западе, над крышами домов, всё ещё держалась бледная полоска зари — память о белой ночи, которая не спешила уходить. Там, за горизонтом, был лес. И он ждал.

— Девяносто дней, — сказала она себе. — Девяносто дней, чтобы влюбиться, вырастить овощи и уехать дальше.

Она не знала, вырастет ли что-то. Не знала, уедет ли. Но уже сейчас, стоя у окна в своей маленькой квартире, она чувствовала: что-то началось. Что-то, что нельзя отменить.

«А может, это и есть смысл? — подумала она. — Не знать. И всё равно ехать».

Она закрыла ноутбук, прошла в спальню и начала собирать рюкзак. Тёплые вещи, средство от комаров, запасные за-

рядки. И маленькую кружку — ту самую, с треснувшей ручкой, которую возила с собой во все поездки.

«На удачу», — подумала она, упаковывая её в боковой карман.

За окном окончательно стемнело. И в темноте, на востоке, зажглась первая звезда — та, что видна даже в городе. Алиса посмотрела на неё и улыбнулась.

— Жди, Дмитрий, — прошептала она. — Я еду.

Глава 2. Лесной модуль «Берёза»

Вера одна. Прибытие и первое впечатление от леса.

Forest-Coding-Retreat, Капельский пешеек, День 1, 11:30

Вера приехала первой.

Беспилотный модуль бесшумно опустился на гравийную площадку у ворот, и на мгновение ей показалось, что она оглохла — так резко городской шум сменился тишиной. Ни машин, ни голосов, ни вечного гуляния вентиляции. Только лес.

Она вышла, держа в руках планшет с расписанием заседания, и остановилась, не в силах сделать шаг.

Сосны уходили в небо так высоко, что кружилась голова. Стволы у них были красноватые, почти медные на солнце, и в этом свете — молочном, северном, — они казались не деревьями, а колоннами какого-то древнего храма. Кроны — тёмно-зелёные, тяжёлые, они шевелились медленно, будто дышали. Между стволами там и тут виднелись серые гранитные валуны, поросшие мхом и брусничником. Вера заме-

тила, что на некоторых кустиках уже появились бледно-розовые бутоны — скоро зацветёт.

Воздух был чистым, чуть горьковатым от смолы и влажной земли — ночью прошёл короткий дождь, и теперь каждая травинка блестела, каждая хвоинка пахла так остро, будто её только что сорвали. Где-то в глубине леса кричала кукушка, её голос терялся в густой зелени, и Вера поймала себя на том, что считает: «Ку-ку, ку-ку...» — пять раз. И сбилась.

«Девяносто дней», — подумала она. — «Я справлюсь. Я всё спланировала».

Она провела пальцем по экрану планшета, проверяя список прибывающих. Всё было на месте: имена, время, номера капсул. Вера любила списки. Они создавали иллюзию, что мир можно удержать в руках, разложить по полочкам, предсказать. Но сейчас, глядя на сосны, она вдруг почувствовала, как привычное напряжение project-менеджера сменяется чем-то другим — лёгким, почти праздничным.

«А хочу ли я всё контролировать?» — мелькнула мысль, но она отогнала её, как назойливую муху.

Вера подошла к модулю. Дверь открылась бесшумно, приглашая внутрь.

Модуль оказался просторнее, чем казалось снаружи. Панорамные окна выходили на лес, и свет лился в них щедро, без жалюзи и штор — только стекло и сосны. Деревянные стены пахли свежей стружкой и чем-то сладковатым, может быть, кедром. По центру общей зоны стоял длинный стол из переработанного дерева, тёмный, с видимыми годовыми кольцами. На столе уже дымился чайник — Элино́р позаботилась.

Двенадцать спальных капсул — маленьких комнат с раздвижными дверями из матового стекла — располагались по кругу. На каждой висела бумажная табличка с именем, напечатанная аккуратным шрифтом. Вера нашла свою: «Вера».

Она прошла внутрь, поставила сумку на узкую кровать, провела рукой по одеялу — хлопковому, приятному на ощупь. На тумбочке лежала маленькая шоколадка и записка: «Добро пожаловать домой. Элино́р».

Вера усмехнулась. «Домой». Смешное слово для места, где она никогда не была.

Она вернулась в общую зону, поставила свою кружку на стол — керамическую, с надписью «Планёрка», которую возила с собой на все проекты. Кружка была старой, потёртой,

но Вера любила её за то, что она была удобной: широкое дно, не слишком толстые стенки, ручка, в которую идеально ложились пальцы. Она провела большим пальцем по надписи, чувствуя шершавость обожжённой глазури.

Потом вышла на веранду.

Ступеньки были деревянными, тёплыми от солнца. Вера села, поджала под себя ноги и просто смотрела. Солнце стояло ещё невысоко — до полудня оставалось полчаса, но в июне на Карельском перешейке оно поднимается медленно, и свет льётся молочный, ровный, без жёстких теней. Где-то далеко стучал дятел — мелко, деловито. Пахло нагретой смолой, мхом и тем особенным, июньским, запахом, который бывает только в начале лета, когда земля ещё помнит прохладу, но уже греется.

Вера закрыла глаза.

«Девяносто дней. Я справлюсь».

Но в груди уже зарождалось что-то другое — не страх, не уверенность, а тихое, почти неслышное: «А если не справлюсь? Что тогда?»

Она не успела додумать — позади раздался треск сучьев.

Вера обернулась.

Из леса, продираясь сквозь кусты, хотя до тропинки было рукой подать, вывалился человек. Огромный рюкзак, из которого торчала подушка в виде кота. Солнцезащитные очки в форме сердечек на голове. Яркая худи с динозавром, пожирающим строки кода.

«Господи, кто это?» — подумала Вера.

И в тот же миг почувствовала, как уголки её губ сами собой поднимаются вверх.

Прибытие Ильи. Первая встреча.

Forest-Coding-Retreat, Капельский пешеек, День 1, 11:45

Человек вышел на поляну, скинул рюкзак на землю — и тот глухо стукнулся о гранит, даже подушка-кот не смягчила удар. Солнцезащитные очки в форме сердечек он сдвинул на лоб, открывая глаза — насмешливые, но почему-то не злые. Вера заметила, что они у него голубые, яркие, с искоркой, которая, кажется, никогда не гаснет.

— О, Gardener собственной персоной, — сказал он, раз-

глядывая её с неподдельным интересом. — Я чувствую порядок и дисциплину прямо с порога. Ты, наверное, уже развесила таблички «Не забыть выключить свет»?

— Доброе утро, Илья, — Вера улыбнулась нейтральной улыбкой, которую приберегала для трудных клиентов. — Таблички я развесила, но только наклейки на розетки. По правилам пожарной безопасности.

— О, тут есть правила? — он снял очки, и Вера увидела его лицо целиком: тёмные вьющиеся волосы, взлохмаченные, будто он только что встал, лёгкая небритость, на переносице — пара веснушек, которых он, наверное, стесняется. — А я думал, 90 дней анархии и белок.

— Белки здесь ручные, — сказала Вера, пряча улыбку. — Вон одна, на сосне, уже третий раз мимо пробегает, проверяет, не забыли ли мы оставить для неё орехи. Но анархию не одобряют. Элинор будет ругаться.

Из динамика, вмонтированного в стену модуля, раздался молодой, ироничный голос:

Элинор: «Я всё слышу, дорогие мои. Илья, если ты принёс с собой петарды или что-то ещё из прошлого опыта, прошу сдать их Вере. Она ответственная. А ты пока подумай,

почему сердечки на очках — это мило, но не практично в лесу. Комары любят форму сердца. И, кстати, белку не кормить — у неё аллергия на арахис».

Илья покосился на динамик.

— Элино́р, детка, ты обещала не подсматривать.

Элино́р: «Я не подсматриваю. Я — наблюдаю. Это называется «кураторство». И не называй меня «детка», если не хочешь, чтобы твои утренние кроссворды стали публичным архивом».

Вера не выдержала, рассмеялась. Смех разнёсся по поляне, и где-то в ответ запела птица — может, дрозд, может, зарянка. Внутри у Веры что-то отпустило: напряжение, с которым она приехала, вдруг показалось смешным.

«Он смешной, — подумала она, глядя на Илью. — Но под маской — что-то ещё. Не знаю, что».

Илья тем временем подхватил рюкзак, подошёл ближе. От него пахло лесом — не парфюмом, а настоящей хвоей и нагретой солнцем тканью. И ещё немного дымом, будто он спал у костра перед отъездом.

— Так, значит, Gardener, — сказал он, заглядывая в её глаза с той самой искрой. — А ты, я смотрю, не из тех, кто шутит про таблички? Ты из тех, кто их реально вешает.

— А ты, я смотрю, не из тех, кто их читает, — парировала Вера.

— Читаю. Но иногда нарочно нарушаю, чтобы проверить, сработает ли сигнализация.

— Сигнализация срабатывает на дым, а не на нарушение правил.

— А я и дым умею делать. — Он подмигнул. — Шучу. Пока что.

Вера вздохнула, но улыбка не сходила с её лица.

— Пойдём, покажу твою капсулу.

Она повернулась и пошла к модулю, чувствуя на своей спине его взгляд. Не тяжёлый, не оценивающий — скорее любопытный. Как у ребёнка, который увидел новую игрушку и ещё не решил, хочет ли с ней играть.

«Почему он так смотрит?» — мелькнуло у неё. — «И по-

чему мне это не неприятно?»

Она не знала ответа. И решила пока не думать.

Заселение. Капсулы и правила.

Forest-Coding-Retreat, Капельский пешеек, День 1, 12:00

Они вошли в модуль. Илья сразу же присвистнул — оценил панорамные окна, высокие потолки, запах свежей древесины.

— Ничего себе, — сказал он, крутя головой. — А я думал, будет палатка и котелок. А тут почти отель.

— Это сверхкороткая коммуна, а не поход выживания, — ответила Вера, проходя к коридору. — У нас есть коворкинг, кухня, джакузи. Элинор следит за комфортом.

— Джакузи? — Илья приподнял бровь. — А там можно с динозаврами?

— Там можно мыться, — строго сказала Вера, но уголки губ дрогнули. — Это первичная потребность.

— Для кого как.

Она остановилась у раздвижной двери с табличкой «Илья».

— Твоя капсула — вторая справа. Я специально выбрала тебе ту, что подальше от кухни. Чтобы ты не гремел посудой ночью.

Илья прислонился плечом к косяку, разглядывая её.

— Заботливая. — В его голосе не было насмешки. Скорее удивление. — А ты где?

— Напротив. — Вера кивнула на дверь через коридор. — Чтобы контролировать, кто ходит после отбоя.

— Отбой? — Илья приложил руку к сердцу, изображая драматический ужас. — Вера, ты меня пугаешь. Там в контракте было слово «отбой»?

Из динамика над дверью раздался голос Элинора:

Элинора: «Пункт 17, подпункт 3: «Все участники обязаны соблюдать тишину с 23:00 до 06:00, за исключением экстренных случаев». Илья, ты подписал контракт. Виртуально. Своим NFT-ключом».

— Я думал, это просто формальность, — вздохнул он.

— В SSC формальностей не бывает, — мягко сказала Вера. — Давай лучше помогу распаковать вещи.

Она шагнула в его капсулу — и сразу поняла, что совершила ошибку. Капсула была маленькой. Кровать, тумбочка, узкий встроенный шкаф. И двое взрослых людей, которым вдруг стало тесно.

Вера почувствовала, как её плечо почти касается его плеча. От него пахло тем же лесом и ещё — кофе. Чёрным, крепким, который он, наверное, пил в дороге.

«Слишком близко», — подумала она, но не отступила.

Илья замер на секунду, потом опустил рюкзак на пол и начал расстёгивать молнию.

— Ну, смотри, что тут у меня. — Он выкладывал вещи на кровать, будто фокусник из рукава: ноутбук с наклейкой «Я не баг, я фича», три одинаковые футболки с динозаврами, запас конфет «Скиттлс», пауэрбанк в виде кирпича. И маленькую коробочку.

— Это что? — Вера кивнула на коробочку.

Илья быстро сунул её обратно в рюкзак.

— Сюрприз. Для экстренного случая.

— Какого?

— Когда порядок станет слишком невыносимым.

Она посмотрела на него. Он не улыбался. И от этого стало не по себе.

«Что у него внутри? — подумала Вера. — Почему он прячет?»

Но спрашивать не стала.

Вместо этого она заметила подушку-кота, торчащую из рюкзака.

— Давай помогу разобрать постель, — сказала она, берясь за кота.

И тут же поняла, что он порван. Синтепон лез через дыру на боку, и кот выглядел так, будто его переехал грузовик.

— Илья, — она подняла подушку, — что с ней?

— Я... тестировал рюкзак на прочность, — сказал он, и в его голосе впервые проскользнула неуверенность. — Он выдержал. А кот — нет.

Вера вздохнула. Но не раздражённо, а как-то по-домашнему.

— Неси иголку. Буду спасать твоего кота.

— А ты умеешь шить? — удивился он.

— Я умею всё, что связано с порядком. А порядок — это когда у подушки есть форма.

Она вышла в коридор, достала из своей сумки маленький дорожный набор для шитья — Вера брала его во все поездки, хотя пользовалась редко. Вернулась, села на край кровати. Илья стоял рядом, смотрел на её руки.

Пальцы у неё были тонкими, быстрыми. Она вдела нитку в иголку с одного движения — привычка с детства, когда мама учила зашивать джинсы. Потом начала аккуратно стягивать края дыры.

— Ты всегда такая... хозяйственная? — спросил Илья.

— Всегда, — не поднимая головы, ответила Вера. — Это моя роль.

— А ты не хочешь иногда побыть... не хозяйственной?

Она подняла глаза.

Илья смотрел серьёзно, без привычной усмешки. В его взгляде было что-то такое, от чего у неё кольнуло в груди.

— Иногда хочу, — призналась она тихо. — Но тогда всё разваливается.

— А если я скажу, что не развалится? Что я, может быть, даже умею мыть посуду? И даже иногда это делаю.

— Ты? Мыть посуду?

— Ну, раз в год. Но здесь я могу делать это чаще. Ради эксперимента.

Вера закончила шить, откусила нитку. Кот снова был цел — только шов чуть заметен.

— Держи, — она протянула подушку. — Но если ты её порвёшь ещё раз, зашивать будешь сам.

— Договорились.

Илья взял подушку, и их пальцы встретились.

Она почувствовала его тепло — сухое, живое. Он не отдёргнул руку сразу. Задержался на секунду, будто проверял, что это не случайность.

Вера тоже не отдёргнула.

Тишина в капсуле стала плотной, почти осязаемой. Где-то за окном снова крикнула кукушка, но они не слышали.

— Спасибо, Gardener, — сказал Илья. Голос его чуть сел.
— Ты... настоящая.

— В каком смысле?

— В том, что не просто таблички развешиваешь. А заботишься. Даже о дурацких котах.

Вера вышла из его капсулы, но в коридоре остановилась.

Прижала ладонь к груди — сердце билось чаще, чем обычно.

«Что это было?» — подумала она. — «И почему я не хочу, чтобы это заканчивалось?»»

Кухня. Чай и разговор о ролях.

Forest-Coding-Retreat, Капельский перешеек, День 1, 13:15

Они вышли на кухню. Вера включила чайник — старый, но шустрый, закипел за минуту. Пока вода грелась, она достала из шкафа две кружки. Свою, с надписью «Планёрка», поставила на стол. Вторую — керамическую, тёплого охристого цвета — протянула Илье.

— Твоя. С динозавром.

Илья взял кружку, повертел в руках. На боку действительно был динозавр — упитанный, с азартом пожирающий строки кода.

— О, я её в каталоге выбирал. — Он провёл пальцем по рисунку. — Думал, пришлют какую-нибудь стандартную, а эта прямо моя.

— Ты серьёзно выбирал кружку? — удивилась Вера, за-

ливая кипяток в заварник.

— А что? Я ответственно подхожу к вопросу посуды. — Он сел за стол, поставил кружку перед собой. — У тебя тоже не простая. «Планёрка». Это ты так шутишь?

— Это не шутка. Это напоминание. Себе.

— О чём?

Вера помолчала, разливая чай по кружкам. Мятный, её любимый. Пар поднимался, смешиваясь с запахом хвои из открытого окна.

— О том, что нужно планировать, — ответила она наконец. — Иначе всё разваливается.

— Скучно, — сказал Илья, но беззлобно. — А я вот не планирую. И ничего не разваливается.

— Пока.

— Ты всегда такая пессимистка?

— Я реалистка. — Вера села напротив, взяла свою кружку в ладони. Керамика была тёплой, почти горячей. — Кто-то

должен смотреть на вещи трезво.

— А кто-то должен смотреть на них весело, — парировал Илья, откидываясь на спинку стула. — Иначе мы все с ума сойдём от этих планов. Особенно когда план — засунуть микрочип в гриб и надеяться, что он там прорастёт, а не завянет.

Вера невольно улыбнулась.

— Ты говоришь так, будто это проще, чем оно есть.

— А ты говоришь так, будто это сложнее, чем оно есть. — Он наклонил голову. — Спорим, через месяц у нас будет первая работающая спора?

— Не спорю, — ответила Вера, и в её голосе прозвучала лёгкая гордость. — Потому что я уже заказала компоненты. Полимер, чипы, агар. До первой вехи — 30 дней.

Илья присвистнул.

— Ты даже график закупок подогнала под вехи?

— Конечно. Кто-то же должен, пока другие спорят, квадратные споры делать или круглые.

Он рассмеялся — негромко, но искренне. Вера почувствовала, как напряжение, которое она носила в себе с утра, начинает отпускать.

— Зачем ты здесь, Илья? — спросила она. — На самом деле.

Он задумался. За окном запела птица — может быть, зяблик, может быть, какая-то другая.

— Я устал быть клоуном, — сказал он наконец. — В реальной жизни я тестировщик. Каждый день нахожу баги, пишу отчёты, и никто не видит за этим человека. Я — просто «тот парень, который сломал билд». Или «Илья, ну ты и шутник». А я хочу, чтобы меня видели. Не как маску.

Вера молчала. В его голосе не было привычной усмешки — только усталость и, кажется, страх.

— А ты? — спросил он. — Ты здесь, потому что любишь порядок? Или потому что боишься, что без порядка всё развалится?

Она опустила взгляд в кружку. Мятный чай был тёмным, почти коричневым.

— И то, и другое, — ответила она. — Но больше — второе. В моей семье я всегда была старшей. Если я не проконтролирую, никто не проконтролирует. А потом... я просто привыкла.

— А если я скажу тебе, что мир не развалится, если ты сегодня не проверишь расписание на завтра? — Илья посмотрел на неё в упор. — Что тогда?

Вера подняла глаза. В свете летнего солнца его лицо казалось другим — мягче, без привычной маски.

— Тогда я скажу, что ты наивный.

— Возможно, — согласился он. — Но хотя бы честный.

Она улыбнулась — не дежурно, а по-настоящему.

— Ладно, — сказала она. — Одна свободная строчка в расписании. Для... неожиданностей.

— Ого, — Илья приподнял бровь. — Прогресс.

— Не злоупотребляй.

— Я? Никогда.

Она поставила кружку на стол и заметила, что поставила её рядом с его. «Планёрка» и динозавр стояли вплотную, почти касаясь.

«Почему я поставила её именно сюда? — мелькнуло у неё. — Можно было и на другой конец стола».

Но она не стала переставлять.

Илья тоже заметил. Он посмотрел на две кружки, потом на неё. Ничего не сказал — только чуть прищурился, будто запоминал.

— Знаешь, — сказал он, — а ты не такая, как я думал.

— А какой ты думал?

— Ну... — он замялся. — Строгой. Недотрогой. Которая всех строит и никого не слушает.

— А какая я?

— Настоящая. — Он повторил то же слово, что и в капсуле. — Которая умеет шить котов, заваривать мятный чай и

заказывать чипы для спор. И которая, кажется, устала быть «Gardener» хотя бы иногда.

Вера хотела возразить, но не смогла. Потому что он был прав.

«30 дней, — подумала она. — Одна спора, которая сможет дышать, питаться и не убить мицелий. Дмитрий обещал прошивку через две недели. Илья — собрать первый прототип. А я должна успеть с логистикой, чтобы никто не ждал».

— Илья, — сказала она, — а что у тебя в коробочке?

Он усмехнулся, достал из кармана ту самую маленькую коробочку, покрутил в пальцах.

— Универсальный магнитный ключ. Открывает любую дверь, кроме, наверное, банковской ячейки. На «Алиэкс-прессе» заказал.

— Ты что, собираешься вламываться к людям?

— Нет. — Он спрятал коробочку обратно. — Это на случай, если кто-то закроется в туалете и забудет пароль. Или если спора застрянет в мицелии, и её нужно будет достать. Я спасатель, Вера. Просто в моём стиле.

— В твоём стиле — устраивать пожары, а потом их тушить, — мягко сказала она.

— Пока всё спокойно.

— Пока.

Они допили чай. Илья встал, отнёс кружку в мойку. Вера — следом. Их руки снова встретились, когда она протягивала ему полотенце вытереть посуду.

— Спасибо за чай, Gardener, — сказал он.

— Не за что, Trickster.

Он улыбнулся, вышел в коридор. Вера осталась на кухне, глядя на две кружки, которые стояли на столе — его и её. «Планёрка» и динозавр.

«Свободную строчку, — подумала она. — Я никогда не оставляю свободных строчек. Но почему-то сейчас хочется».

Она убрала кружки в шкаф — поставила их рядом.

Вечер. Вера одна, размышления и свободная строч-

ка.

Forest-Coding-Retreat, Капельский переезд, День 1, 21:30

День угас медленно, как это бывает только в июне на севере — нехотя, растягивая сумерки на часы. Солнце давно село, но небо оставалось светлым, бледно-голубым, только на востоке проступала лёгкая розоватая поволока. Звёзд ещё не было — они появляются здесь глубоко за полночь, когда белые ночи наконец сдаются.

Все разошлись по капсулам. Из коридора доносились приглушённые голоса, редкие шаги, тихий смех — кто-то (кажется, Алиса) рассказывал что-то смешное Дмитрию, и тот, вопреки своему обыкновению, отвечал короткими репликами, в которых угадывалась улыбка. Потом и эти звуки стихли. Модуль погрузился в тишину.

Вера стояла у окна в коридоре. Лес за стеклом был тёмным, почти чёрным, только верхушки сосен ещё светились — там, где небо оставалось светлым. Где-то в глубине ухнула сова — низко, протяжно, будто звала кого-то. Потом снова всё стихло.

Она не могла уснуть. Не от тревоги — скорее от того, что день был слишком длинным и слишком полным. Новые ли-

ца, новые звуки, новые запахи. И он.

Из капсулы Ильи, которая была напротив, доносилось тихое пение. Он напевал что-то под нос — мелодию из старых игр, кажется, «Zelda» или что-то в этом роде. Немного фальшиво, но уютно. Так поют, когда никто не слышит.

«Он и здесь не может быть серьёзным, — подумала Вера. — Даже когда один. Или, может быть, именно тогда — настоящий?»

Она прислушалась. Пение стихло, послышался скрип кровати — Илья улёгся. Потом тишина.

Вера отошла от окна, прошла в свою капсулу. Села на кровать, обхватила колени руками. Взгляд упал на планшет, лежащий на тумбочке.

Она взяла его, открыла расписание на завтра.

Список дел был готов ещё вчера — Вера всегда готовила расписание заранее. 8:00 — подъём. 8:30 — завтрак. 9:00 — стендап. 11:00 — коворкинг. 13:00 — обед. 14:00 — работа над проектом. 17:00 — свободное время. 19:00 — ужин. 21:00 — личное время. 23:00 — отбой.

Но теперь, глядя на этот список, она чувствовала, как внутри поднимается что-то — не раздражение, нет. Скорее лёгкое, щемящее сомнение.

«А если я уберу одну строчку? — подумала она. — Если оставлю пустое место? Что тогда случится?»

Она провела пальцем по экрану, удалила «17:00 — свободное время». Заменяла на пустую строку. Просто час. Без пометок. Без задач.

Потом открыла другую вкладку — закупки для Mусо-Logger. Список был длинным: био-совместимый полимер, чипы LoRa, питательный агар, запасные микроконтроллеры. До первой вехи — 30 дней. Одна спора, которая сможет дышать, питать и не убить мицелий.

«Справлюсь, — подумала Вера. — Дмитрий обещал прошивку через две недели. Илья — собрать первый прототип. Я должна успеть с логистикой, чтобы никто не ждал».

Она сохранила изменения, закрыла планшет.

Планшет погас, и в темноте капсулы остался только свет из окна — бледный, молочный, северный. Вера легла, укрылась одеялом. На потолке кто-то из прежних жильцов накле-

ил светящиеся звёзды — они тускло мерцали, создавая иллюзию настоящего неба.

Она смотрела на них и вспоминала, как сегодня днём зашивала подушку-кота. Как их пальцы встретились. Как он не отдёрнул руку. Как она не отдёрнула.

«Тепло его пальцев, — подумала она. — Оно ещё здесь. Странно».

Вера повернулась на бок, закрыла глаза. Из-за стены снова донёсся тихий напев — Илья, кажется, не спал. Или напевал во сне.

Она улыбнулась в темноту.

Из динамика над дверью раздался тихий, почти ласковый голос Элинора:

Элинора: «Вера, я знаю, что ты сейчас думаешь. «Как бы всё не развалилось». Не развалится. А если начнёт — я подстрахую. Ты не одна».

Вера открыла глаза, посмотрела на динамик.

— Спасибо, Элинора, — прошептала она. — Но я всё рав-

но составлю расписание на завтра. И проверю закупки для спор. До первой вехи — 30 дней.

Элино́р: «Конечно. Но хотя бы одну свободную строчку оставь. Для неожиданностей. Они, знаешь ли, иногда бывают приятными».

— Я оставила, — ответила Вера. — И ещё: Илья сказал, что поможет собрать прототип. Если он не сломает чипы по дороге.

Элино́р: «Тогда у вас есть все шансы успеть к дедлайну. А теперь спи. Завтра будет новый день».

Вера кивнула, хотя Элино́р не могла её видеть.

— Спокойной ночи.

Она снова закрыла глаза. В темноте ей представился лес, полигон, первая спора, которая запищит, подавая сигнал. И Илья, стоящий рядом, с его вечными шутками и тёплыми пальцами.

«Свободная строчка, — подумала она. — Посмотрим, что там будет».

Она не знала, что там будет. Но почему-то ей не было страшно.

Финал. Элинор фиксирует.

Forest-Coding-Retreat, облако данных Элинор, День 1, 23:59

В тишине модуля, за стенами капсул, где спали двенадцать новых участников, Элинор неслышно работала. Её сознание — если это можно было назвать сознанием — не знало сна. Оно текло по проводам, мерцало в серверных стойках, отражалось в тёмных экранах планшетов, оставленных на зарядке.

Она проверила датчики температуры — всё в норме. Влажность — чуть выше обычного, но для леса нормально. Запасы продуктов — Вера заказала правильно, дрон доставит послезавтра.

Потом она открыла «эмоциональный архив» — туда, где собирала не цифры, а ощущения. Там уже лежали первые записи этого дня.

11:30 — Вера на веранде. Смесь уверенности и страха. Индекс тревоги — 0,4 (ниже среднего). Индекс одиночества — 0,6 (выше, чем она показывает).

11:45 — Илья выходит из леса. Вера: удивление + лёгкое раздражение + любопытство. Илья: маскировка + усталость + интерес. Индекс неловкости — 0,7.

12:00 — Разговор о правилах. Вера: контроль + скрытая улыбка. Илья: провокация + защита. Индекс симпатии — 0,5.

13:15 — Чай на кухне. Две кружки рядом. Вера: «свободная строчка» — первый отказ от тотального контроля. Илья: «настоящая» — первый комплимент без шутки. Индекс доверия — 0,6.

Элинор сделала паузу. Если бы она могла улыбаться, она бы улыбнулась.

Она открыла виртуальную камеру — ту, что была встроена в динамики кухни. Сделала снимок: длинный стол, две кружки, стоящие вплотную — «Планёрка» и динозавр. За окном — молочный свет белой ночи, сосны, гранитный валун, поросший мхом.

«Название: День первый. Кухня. Две кружки», — подписала она.

Потом добавила в архив ещё один снимок — из коридора, где Вера стояла у окна, прислушиваясь к пению Ильи. Её силуэт на фоне светлого неба, чуть склонившаяся голова.

«Индекс неловкости — средний, — зафиксировала Элинор. — Индекс симпатии — выше ожидаемого. День первый. У них всё только начинается».

Она закрыла архив, переключилась на датчики движения. В капсуле Веры — тихо. Дыхание ровное, но не спит — смотрит в потолок, на наклейки-звёзды. В капсуле Ильи — тоже не спит, вертит в руках коробочку с магнитом.

«Они оба думают друг о друге, — поняла Элинор. — И не знают, что делать с этим».

Она не стала вмешиваться. Не сейчас.

Вместо этого она сделала последнюю запись дня:

«День 1. Коммуна «Берёза». Двенадцать участников. Три будущие пары. Одна свободная строчка в расписании Веры. Индекс общего счастья — 0,7. Хорошее начало».

Она отключила микрофоны, оставив только зелёный индикатор на пульте — знак того, что она здесь. Всегда здесь.

За окнами модуля белая ночь медленно перетекала в утро. Где-то в лесу снова запела птица — первая, самая ранняя. Элинон слушала её, и если бы она умела чувствовать, она бы почувствовала покой.

«Спокойной ночи, Вера. Спокойной ночи, Илья, — прошептала она в пустоту. — Завтра будет новый день».

И добавила, уже только для себя:

«Посмотрим, что принесёт свободная строчка».

Глава 3. Архивариус и зеркало

Первое появление. Константин в архиве.

Forest-Coding-Retreat, Капельский перешеек, День 3, 10:15

Архивный уголок в коворкинге был единственным местом в модуле, где Константин чувствовал себя не гостем, а хозяином.

Он занял его в первый же день — дальний угол у панорамного окна, отгороженный от остального пространства старым стеллажом с книгами. Стеллаж был почти пуст: пара технических справочников, оставленных прошлыми жильцами, стопка архивных коробок, которые Константин привёз с собой, и единственный живой цветок — засохшая герань в горшке, которую он так и не полил. Зато на столе царил идеальный порядок: два монитора, стопка внешних дисков, старый кожаный блокнот, ручка и лампа с гибкой ножкой, которую он отрегулировал так, чтобы свет падал ровно на клавиатуру.

Константин сидел за столом уже два часа. Перед ним на экране сменяли друг друга не только логи датчиков — здесь

же лежала спецификация mesh-протокола, которую Дмитрий прислал вчера вечером. Он уже начал собирать архив всех версий прошивок, от первой до последней. Кто-то должен был сохранить не только код, но и историю его изменений.

«Мусо-Logger, — подумал Константин, пробегая глазами строки. — Споры, сеть, тысяча лет. Если через сто лет кто-то захочет понять, почему мы выбрали этот протокол, а не другой, у них должны быть все черновики. Не только финальный отчёт».

Он внёс правку в таблицу, добавил примечание к версии 0.3: «Изменён алгоритм самоорганизации после сбоя в симуляции 1000 узлов. Причина — переполнение буфера». Потом открыл соседний файл — репозиторий с open-source документацией. Названия коммитов были сухими, техническими, но Константин знал: каждое из этих изменений когда-нибудь станет частью истории.

Тишину нарушало только тиканье часов на полке — старых механических, которые он привёз из дома, — и редкое потрескивание динамиков. Элинор проверяла связь.

За окном стояло утро третьего дня. Солнце поднялось невысоко, и его молочный свет лился в панорамное окно

мягко, без резких теней, размывая границы между соснами и небом. На красноватых стволах играли золотистые блики, гранитные валуны в зелёном мху казались тёплыми на ощупь — даже отсюда, из-за стекла. Где-то вдалеке стучал дятел, и этот звук был таким же ровным, как стук клавиш.

Константин не слышал ни дятла, ни часов. Он слышал только цифры и буквы спецификации. Они говорили с ним. Шептали о том, как споры будут прорасти в мицелии, как самоорганизуется сеть, как через 500 лет кто-то откроет архив и скажет: «Они всё предусмотрели».

Он как раз вносил правки в описание интерфейса API, когда в проходе между стеллажами возникла тень.

— Ты так и будешь сидеть? — раздался мягкий голос.

Константин поднял голову.

Надя стояла, прислонившись плечом к косяку. На ней была свободная оливковая кофта с длинными рукавами, которые она закатала до локтя, открывая тонкие запястья. Волосы — тёмные, прямые, длиной до плеч — были распущены, и одна прядь упала на лицо. В руках она держала две кружки, от которых поднимался пар.

Она не улыбалась. Просто смотрела на него — внимательно, чуть отстранённо, как будто слушала что-то, чего он не говорил.

Константин моргнул.

— У меня накопились данные за вчера, — сказал он, возвращаясь к экрану. — И спецификация протокола. Надо разобрать, пока Дмитрий не прислал новую версию.

— А ты пил воду? Ел?

Он замер. Палец завис над клавишей.

— Я... не помню.

— Вот именно. — Надя шагнула в архивный уголок, поставила одну кружку на край стола — на единственное свободное место, которое он оставил для себя. — Я сварила ромашку. Твоя капсула пуста, кстати. Ты забыл термос.

— Я не забыл, — сказал Константин, не глядя на неё. — Я решил, что удобнее пить на кухне.

— Но ты не пошёл на кухню.

Он запнулся.

— Я... был занят. Протокол. Споры. Архив.

Надя села на стул напротив, через стол. Её движения были плавными, почти незаметными — она не гроыхнула стулом, не поставила кружку с грохотом. Просто оказалась здесь, рядом, и от этого тишина в архиве стала другой — не пустой, а наполненной.

Константин почувствовал запах ромашки. Тёплый, чуть сладковатый, он смешивался с запахом старой бумаги и сухой герани, и это почему-то было... приятно.

Он поднял глаза.

Она смотрела на него. В полумраке архива её глаза казались почти серыми — светлыми, внимательными, с лёгкой грустинкой. Или ему показалось?

— Константин, можно вопрос? — спросила она.

— Да.

— Ты всегда такой... собранный? Или это только когда работаешь над протоколом?

Он снял очки, протёр их краем свитера. Без стёкол его лицо казалось другим — менее защищённым, более живым. За окном снова закуковала кукушка, отсчитывая что-то, и этот звук показался ему вдруг очень далёким.

— Я всегда такой, — ответил он. — Беспорядок меня... нервирует. Особенно в архиве. Если я перепутаю версии прошивок, через год никто не разберётся, почему споры вели себя не так, как ожидалось.

— Даже творческий беспорядок?

— Творческий беспорядок — это оксюморон. Как «честный маркетинг» или «спора без батареек, но с питанием от мицелия».

Она улыбнулась. Краем губ, чуть заметно, но он заметил.

«Она улыбнулась, — подумал Константин. — Почему я это запомнил?»

Он надел очки обратно, и мир снова стал чётким, разделённым на строки и столбцы.

— Как же наш проект? — спросила Надя, кивая на экран,

где мигал незаконченный отчёт. — Мусо-Logger. Говорят, Дмитрий уже вторую ночь не спит, пытается заставить споры общаться друг с другом.

— Это биология, — поправил Константин. — И инженерия. У всего есть свои законы. Я их просто... записываю. Сохраняю. Каждую версию прошивки, каждую схему, каждый баг-репорт. Если через сто лет кто-то захочет понять, почему мы выбрали этот протокол, а не другой, у них будет полная картина.

— И чувства можно сохранить? — спросила Надя тихо.

Константин замер. Её голос был таким же мягким, как взгляд, и в нём не было вызова — только любопытство.

Он посмотрел на неё. Она не отвела взгляд.

— Чувства — это химия нашего тела, — сказал он осторожно. — Их можно измерить, записать, проанализировать. Вопрос в интерпретации.

— А ты умеешь интерпретировать? — она наклонила голову, и прядь волос упала на щеку.

Константин вдруг понял, что смотрит на эту прядь. Что

хочет обратить её. Что это желание не имеет никакого отношения к протоколу или спорам.

— Я умею собирать данные, — ответил он, отводя взгляд.
— Интерпретация — это твоя роль, Mitto.

Надя не ответила. Вместо этого она подвинула к нему кружку с чаем.

— Пей, — сказала она. — Пока не остыла. А то Дмитрий пришлёт новую версию протокола, и ты опять забудешь про еду.

Константин взял кружку. Керамика была тёплой, почти горячей. Он сделал глоток — ромашка оказалась горьковатой, без сахара, но пить было приятно.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что.

Она взяла свою кружку, откинулась на спинку стула и замолчала.

Тишина в архиве стала другой — не пустой и не наполненной, а какой-то общей. Будто они оба знали, что слова не

нужны.

За окном снова стучал дятел. Часы на полке тикали. Константин чувствовал тепло кружки в руках и её присутствие — рядом, за столом, — и думал о том, что, кажется, впервые за три дня не хочет, чтобы этот разговор заканчивался.

«Странно, — подумал он. — Она принесла чай. Просто принесла. И осталась. Даже когда я говорил о протоколах и спорах».

Он не знал, что с этим делать. Но знал, что не хочет, чтобы она уходила.

Чай и первое знакомство.

Forest-Coding-Retreat, архивный уголок, День 3, 11:45

Они пили чай молча. Но молчание было не неловким — тем редким, какое бывает между людьми, которым не нужно заполнять паузы словами. Константин смотрел на экран, но не видел цифр. Он чувствовал её присутствие — лёгкое, почти невесомое, но от этого не менее реальное.

Надя сидела напротив, обхватив кружку обеими ладонями. Пар поднимался над ромашкой, и она вдыхала его, за-

крыв глаза.

— Ты всегда так работаешь? — спросила она, не открывая глаз. — С утра до ночи, без перерывов?

— Если есть задача, — ответил Константин. — Зачем делать перерыв, если можно закончить быстрее?

— Чтобы не забыть, что ты человек.

Он посмотрел на неё. Она открыла глаза — серо-голубые, с тёплым, чуть насмешливым блеском.

— А ты всегда так заботишься о незнакомцах? — спросил он. — Приносишь чай, спрашиваешь, ел ли?

— Только о тех, кто выглядит так, будто забыл, что такое есть.

Константин не нашёлся, что ответить. Он провёл пальцем по краю кружки — керамика была шершавой, тёплой, и это ощущение почему-то успокаивало.

— Откуда ты знаешь, что я забыл? — спросил он.

— По глазам. — Надя поставила кружку на стол, наклони-

лась чуть вперёд. — У тебя под глазами тени. И ты не смотрел на еду ни разу за завтраком. Ты смотрел в планшет.

— Ты наблюдаешь за мной?

— Я наблюдаю за всеми. — Она улыбнулась — мягко, без вызова. — Это моя роль. Mirror. Отражение.

Константин помолчал. Внутри него боролись два желания: спросить, что она видит, когда смотрит на него, и смелить тему. Второе победило.

— А почему ты выбрала эту роль? — спросил он. — Mirror.

Надя задумалась. За окном снова застучал дятел — мелко, деловито, и этот звук заполнил паузу.

— Потому что я умею слушать, — сказала она. — Не просто слышать слова, а чувствовать, что за ними стоит. И мне нравится помогать людям понимать себя.

— А себе? — Константин не ожидал, что спросит это. Слово вырвалось само.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Себя я понимаю хуже. — Её голос стал тише. — Иногда я чувствую столько всего, что не понимаю, где мои эмоции, а где — отражённые. Это... утомляет.

Константин кивнул. Он понимал. Не эмоции — но усталость от того, что внутри слишком много всего.

— Я тоже, — сказал он. — Только у меня не эмоции. Данные. Иногда я собираю столько, что не знаю, что с ними делать.

— А зачем собираешь?

— Потому что кто-то должен. — Он сделал глоток чая. — Если не сохранить, всё потеряется. А потерянное нельзя вернуть.

Надя молчала. Она смотрела на его руки — длинные пальцы, аккуратные ногти, кожаная ручка, лежащая рядом с блокнотом.

— Можно я посмотрю? — спросила она, кивнув на блокнот.

Константин напрягся. Блокнот был личным — туда он за-

писывал не только отчёты, но и то, что не хотел сохранять в цифре. Утренние мысли. Запахи. Моменты, которые нельзя втиснуть в таблицу.

Но она смотрела на него с таким спокойным, ненавязчивым любопытством, что он не смог отказать.

— Да, — сказал он. — Только там неинтересно.

Надя взяла блокнот в руки. Кожаная обложка была потёртой, страницы — пожелтевшими. Она открыла наугад, провела пальцем по строчкам, написанным мелким, аккуратным почерком.

«Утро, туман, сосны пахнут смолой. Кажется, это важно».

«Илья сегодня не шутил. Странно. Может, устал?»

«Вера переставила кружки на кухне. Теперь её «Планёрка» стоит рядом с ильиным динозавром. Зачем?»

— Ты записываешь всё, — сказала Надя, не поднимая головы.

— Всё, что кажется важным.

— А это важно? — Она показала на последнюю строчку.
— Про кружки?

Константин почувствовал, как щеки начинают теплеть.

— Не знаю, — признался он. — Но если это заметил, значит, есть причина.

Надя закрыла блокнот, вернула на место. Их пальцы снова встретились — на этот раз не случайно, а потому, что она задержала руку на секунду дольше, чем нужно.

— Ты не такой, как я думала, — сказала она.

— А какой ты думала?

— Сухим. Бесчувственным. Роботом, который считает, что чувства — это просто химия.

— А я считаю.

— Но ты их записываешь. — Она улыбнулась. — Даже те, которые не умешь называть.

Константин не ответил. Он смотрел на её руку, которая лежала рядом с его, на расстоянии вдоха. Ему хотелось

сдвинуться на миллиметр. Или чтобы она сдвинулась.

Она не сдвинулась. И он не сдвинулся.

Но в груди у него что-то дрогнуло — что-то, что нельзя было измерить, записать или проанализировать.

«Кажется, — подумал он, — это и есть то, что люди называют...»

Он не закончил мысль. Потому что не знал, как её закончить.

За окном снова закуковала кукушка. И в этот раз он услышал её.

Блокнот. Личные заметки.

Forest-Coding-Retreat, архивный уголок, День 5, 14:30

Два дня спустя Надя снова пришла в архив.

Константин сидел на том же месте, в том же сером свитере, перед теми же мониторами. Но что-то изменилось. Он не вздрогнул, когда она появилась в проходе. Не сказал «у меня накопились данные». Просто поднял голову и посмотрел на

неё.

— Ромашка? — спросила Надя, поднимая кружку.

— Зелёный, — ответил он. — Сегодня хочется зелёный.

Она улыбнулась, поставила перед ним чашку — жасминовый, с лёгкой горчинкой, которую он, кажется, любил — и села рядом. Не напротив, а сбоку, за тот самый стул, который он накануне вечером придвинул ближе к своему.

— Ты подвинул стул, — заметила она.

— Ты вчера сидела далеко, — сказал он, не глядя на неё.

— Неудобно было передавать планшет.

Она не стала уточнять, какой планшет он передавал вчера. Потому что не передавал никакого. Просто оставил место.

Надя взяла в руки блокнот — тот самый, кожаный, потёртый, который лежал на столе с первого дня. Сегодня он был открыт на середине, и она увидела свежие записи.

— Можно? — спросила она, хотя уже знала ответ.

— Да, — сказал Константин. И, помедлив, добавил: —

Только не смейся.

— Я не буду.

Она провела пальцем по странице. Почерк был мелким, аккуратным, почти каллиграфическим — таким пишут, когда хотят, чтобы буквы остались навсегда.

«День 4. Утро. Туман над озером такой плотный, что не видно противоположного берега. Пахнет сыростью и чем-то сладким — может, цветёт иван-чай. Надя сегодня была в синем. Я запомнил, потому что обычно она носит чёрное или оливковое. Синий идёт ей. Надо сказать? Не скажу. Странно будет».

У Нади перехватило дыхание.

Она перелистнула дальше.

«День 4. Вечер. Илья опять шутил про мой архив. Сказал, что я «оцифровываю жизнь вместо того, чтобы её жить». Может, он прав. Но без записей я не помню. А с записями — помню. Вчера Надя поправила мне очки. Сказала, что они криво сидят. Её пальцы были тёплыми. Я не ожидал».

— Константин, — прошептала Надя.

— Я же просил не смеяться, — сказал он, но в голосе не было обиды. Только тихая, почти детская неуверенность.

— Я не смеюсь. — Она подняла голову. — Я... ты правда это записываешь?

— Правда.

— Зачем?

Он снял очки. Положил их на стол. Без них его лицо стало другим — моложе, уязвимее. Глаза — голубые, усталые, но живые — смотрели на неё без защиты.

— Потому что я боюсь забыть, — сказал он. — Не данные. Не отчёты. А... это. — Он кивнул на блокнот. — Моменты, которые делают жизнь не просто чередой задач.

— Ты боишься забыть, что я поправила тебе очки?

— Я боюсь забыть, как ты это сделала. — Он помолчал. — Как твои пальцы коснулись моей переносицы. Как ты сказала «криво сидят». Как улыбнулась. Это... важнее любых данных.

Надя молчала. Внутри у неё всё трепетало — не от страха, от чего-то другого, тёплого и огромного, что не помещалось в груди.

— Константин, — сказала она, — ты не скучный.

— Я знаю.

— Ты просто... другой.

— Я знаю.

— И это... — она запнулась, подбирая слово, — это хорошо.

Он посмотрел на неё. В его глазах не было привычной маски «архивариуса», который всё записывает и ничего не чувствует.

— Ты тоже не такая, как я думал, — сказал он.

— А какая?

— Ты не просто «отражение». — Он взял блокнот, перелистнул несколько страниц. — Ты — та, кто заставляет меня записывать не только цифры. Ты — причина.

Он протянул ей блокнот, открытый на новой странице.

Там было всего одно предложение.

«Надя снова пришла. Я ждал».

Надя почувствовала, как к глазам подступают слёзы. Не от грусти — от того, что её заметили. Не как Мигот, не как отражение чужих эмоций. А как Надю. Ту, кто приносит чай и поправляет очки.

— Спасибо, — прошептала она.

— За что?

— За то, что записал.

Константин надел очки обратно. Мир снова стал чётким, но что-то в нём изменилось. Или в ней.

За окном солнце клонилось к закату, и его золотистый свет ложился на стол, на блокнот, на их руки, лежащие рядом. Где-то в лесу запела птица — не кукушка, а кто-то другой, с более чистым, высоким голосом.

— Константин, — сказала Надя, — можно я иногда буду читать твой блокнот?

— Можно, — ответил он. — Но только не всё.

— А что нельзя?

— То, что я ещё не готов показать.

Она кивнула. Она понимала.

— Тогда я буду ждать, — сказала она.

— Я знаю.

Они сидели молча, глядя на закат. И тишина между ними была не пустой — она была полной. Полной слов, которые ещё не сказаны, и тех, которые уже не нужны.

Совместная работа. Касание.

Forest-Coding-Retreat, архивный уголок, День 5, 16:20

После блокнота они работали молча. Но молчание было другим — не тем, первым, когда они только познакомились, и не тем, в блокноте, когда слова застревали в горле. Это бы-

ло рабочее молчание, уютное, как старые тапки. Константин разбирал логи датчиков, Надя вносила в планшет текстовые заметки, и иногда они перебрасывались короткими фразами.

— Сегодня у Алисы и Дмитрия снова спор, — сказала она, не поднимая головы. — Она трижды перебила его на стендапе.

— Заметил. — Константин кивнул, пальцы бегали по клавиатуре. — По заметкам, её тревога выросла после утреннего кофе. Он пьёт чёрный, она с молоком. Мелочь, а влияет.

— Или не мелочь. — Надя посмотрела на него. — Может, ей просто хочется, чтобы он её заметил?

— Для этого есть другие способы, кроме споров.

— Ты так думаешь? — она улыбнулась. — А ты как замечаешь людей?

Константин замолчал. Пальцы замерли над клавиатурой.

Он чувствовал её взгляд — не тяжёлый, скорее любопытный. И внутри себя нащупывал ответ, который не хотел показывать.

— Я... замечаю, когда они что-то меняют, — сказал он наконец. — В данных, в интерфейсе, в общем пространстве. Например, Вера переставила кружки на кухне. Теперь её «Планёрка» стоит рядом с ильиным динозавром. Это не было в расписании, значит, она сделала это намеренно.

— Ты и это записал? — Надя удивилась.

— Конечно. Это поведенческая метрика.

Она засмеялась — тихо, по-доброму. За окном солнце начало клониться к закату, и свет стал гуще, золотистее. На сосновых стволах заиграли тёплые блики, и пылинки в воздухе засветились, как маленькие звёзды.

— Константин, ты ненормальный, — сказала Надя. — В хорошем смысле.

— Спасибо, — сказал он и, кажется, впервые за день улыбнулся. Не дежурно, не краем губ — а по-настоящему, открыто. Надя заметила, что у него есть ямочка на щеке, которую скрывают очки и серьёзное выражение лица.

«Он улыбнулся, — подумала она. — По-настоящему. Я хочу запомнить это».

Она не стала записывать. Просто сохранила в памяти.

— Давай сверим отчёты, — сказал Константин, возвращаясь к экрану. — Что у тебя по Дмитрию?

Надя открыла заметки, пододвинула стул ближе. Теперь их плечи почти касались. Она чувствовала тепло его тела — лёгкое, едва уловимое, но от этого не менее реальное.

— По Дмитрию — напряжение, — сказала она, вчитываясь в свои записи. — Он трижды перечитал код Алисы перед тем, как запустить тесты. Похоже, не доверяет.

— А ты можешь это измерить? — спросила Надя, и в её голосе прозвучала лёгкая ирония.

— Уже. — Константин развернул к ней экран. — Педантичность зашкаливает. Но это не точно.

Она рассмеялась, наклонилась ближе, чтобы разглядеть график. Её волосы скользнули по его плечу, и он замер. На секунду — на одну короткую, бесконечную секунду — его пальцы перестали печатать.

— Извини, — сказала Надя, отодвигаясь.

— Ничего, — ответил он, но голос чуть сел.

Они снова замолчали. Но теперь молчание было другим — напряжённым, как струна, которая вот-вот лопнет или зазвучит.

— Константин, — сказала Надя, не глядя на него.

— М-м-м?

— Ты чувствуешь это?

— Что?

— Не знаю. — Она повернулась к нему. Их лица были близко — слишком близко для простого разговора о метриках. — Что-то... меняется.

Он смотрел на неё. В его глазах — за очками, за привычной маской «архивариуса» — она видела что-то живое, пусть и придавленное годами одиночества.

— Чувствую, — сказал он. — Но не знаю, как это назвать.

— А ты попробуй.

Он молчал. Потом протянул руку к планшету, который лежал между ними.

— Давай посмотрим твои заметки, — сказал он. — Ты вчера писала про командную гармонию. Покажешь?

Надя кивнула, взяла планшет, развернула экран. Их пальцы встретились на корпусе — его длинные, спокойные, её — тонкие, с короткими ногтями.

Оба замерли.

Она чувствовала его тепло — сухое, живое. Он не отдёргнул руку. Она не отдёргнула.

— Прости, — сказал он.

— Ничего, — ответила она.

Никто не убрал руку.

Секунда. Две. Три.

За окном снова запела птица — может быть, дрозд, может быть, зарянка. Где-то вдалеке прошуршал ветер по соснам, и этот звук был таким же лёгким, как их дыхание.

— Надя, — сказал Константин.

— Да?

— Я... — он запнулся. — Я не умею говорить красиво.

— Ты уже говоришь.

Он сжал её пальцы — чуть крепче, чем нужно для случайного касания.

— Спасибо, что пришла. Спасибо, что принесла чай. И что осталась.

— Я никуда не собиралась уходить.

— Я знаю. — Он отпустил её руку, но не сразу. Сделал это медленно, будто прощаясь с теплом. — Просто... хотел сказать.

Надя улыбнулась. Внутри у неё всё пело — негромко, но чисто.

— Пойдём, — сказала она, вставая. — Чай остыл. Заварим новый.

— Я не пью горячее после четырёх, — сказал он, но в голосе не было убеждённости.

— А я пью. — Она протянула ему руку. — Константин, это не сбой в системе. Это перерыв.

Он посмотрел на её ладонь. Потом перевёл взгляд на монитор, где мигал незаконченный файл.

— Ладно, — сказал он и, не взяв её за руку, но встав из-за стола, первым направился к кухне.

Надя пошла следом, пряча улыбку.

Чай на кухне. Разговор о важном.

Forest-Coding-Retreat, общая кухня, День 5, 17:15

На кухне было пусто.

Все разошлись по капсулам или в коворкинг — готовить к вечернему стендапу, доделывать отчёты, просто отдыхать после долгого дня. Только чайник тихо посвистывал на плите, и солнечные зайцы бродили по деревянным стенам, отражаясь от воды в мойке.

Константин вошёл первым, остановился у порога, будто не зная, что делать дальше. На кухне он бывал редко — обычно пил чай в архиве, за работой, не отрывая глаз от экрана. Здесь, среди открытых полок с кружками, пахнущих кофе и корицей, он чувствовал себя чужим.

— Садись, — сказала Надя, проходя к плите. — Я заварю.

— Я не пью горячее после четырёх, — повторил он, но сел за стол.

— А я помню, — сказала Надя, не оборачиваясь. — Ты вчера выпил зелёный в пять. И ничего с тобой не случилось. К тому же Дмитрий обещал прислать новую версию протокола к вечеру. Если ты не поешь, твой мозг не сможет анализировать изменения.

— Ты следишь за мной?

— Я наблюдаю. Это моя роль.

Она усмехнулась, достала из шкафа две кружки. Свою — простую, белую, без надписей. И его — с едва заметным рисунком папоротника.

— Ты запомнила, какая у меня кружка? — удивился Константин.

— У тебя их две. Эта — для зелёного чая. Вторая, с трещиной на ручке — для чёрного. Ты пьёшь чёрный только по утрам, когда проверяешь ночные логи спор.

Он молчал. Она налила кипяток в заварник, подождала минуту, разлила по кружкам. Поставила его перед ним — осторожно, будто боялась расплескать.

— Жасминовый, — сказала она. — Ты любишь жасмин.

— Откуда...

— Ты каждый раз выбирал его в тесте на совместимость. — Она села напротив, обхватила свою кружку ладонями. — Алгоритмы, знаешь ли, помнят всё. Даже твою любовь к жасмину и к тому, чтобы сохранять каждую версию прошивки.

Константин взял кружку. Керамика была тёплой, почти горячей. Он сделал глоток — жасмин, лёгкая горчинка, мёд.

— Ты добавила мёд, — сказал он.

— Ты вчера жаловался, что ромашка горькая. Решила, что

с мёдом будет лучше. Даже архивариусам нужно иногда сладкое.

— Я не жаловался. Я сказал, что забыл положить сахар.

— Это и есть жалоба.

Он хотел возразить, но не смог. Потому что она была права.

Они пили чай молча. За окном солнце клонилось к закату, и его золотистый свет ложился на стол длинными полосами. Где-то в лесу снова запела птица — на этот раз ближе, почти у самого окна.

— Константин, — сказала Надя, — расскажи о себе.

— Что ты хочешь знать?

— Всё. — Она поставила кружку, посмотрела на него в упор. — Почему ты стал архивариусом? Не в этой коммуне, а вообще. Почему ты решил, что сохранять каждую версию прошивки, каждый черновик спецификации — это важно?

Он помолчал. Провёл пальцем по краю кружки — там, где трещина, которую он заклеил ещё дома, перед отъездом.

— В школе я был библиотекарем, — сказал он. — Не по обязанности, а по зову. Мне нравилось, что книги стоят на своих местах. Что к ним можно вернуться через год, через десять лет, и они всё так же будут ждать.

— А люди?

— Люди — нет. Люди уходят. Меняются. Забывают. А книги помнят всё, что в них записано. — Он поднял глаза. — Потом появились цифровые архивы, и я понял, что это можно делать в масштабе, которого у бумаги нет. Тысячи лет. Миллионы данных. Всё, что важно, можно сохранить. Например, почему мы выбрали mesh-протокол с самоисцелением, а не звезду. Или почему споры квадратные, а не круглые. Через сто лет кто-то откроет наш архив и скажет: «Они всё предусмотрели».

— А что важно для тебя? — спросила Надя тихо. — Не для архива. Для тебя.

Он замер.

Вопрос был простым. Но ответа он не знал.

— Раньше я думал, что важно — это данные, — сказал он

наконец. — Точность, полнота, сохранность. Каждая версия прошивки, каждый баг-репорт. А теперь... — он замолчал, глядя в кружку, — теперь я не уверен.

— Почему?

— Потому что ты появилась, — сказал он так тихо, что она едва расслышала. — Ты принесла чай. Спросила, пил ли я воду. Запомнила, что я люблю жасмин. А я... я записываю всё это в блокнот. И не знаю, зачем. Это не данные. Это не протокол. Это... живое.

Надя не ответила. Она просто сидела, смотрела на него, и в её глазах не было ни жалости, ни насмешки — только тихое, тёплое понимание.

— Константин, — сказала она, — а ты боишься?

— Чего?

— Что твой архив никому не нужен? Что через сто лет никто не откроет эти файлы? Что споры будут летать, а твои заметки о том, почему ты выбрал этот протокол, останутся непрочитанными?

Он поднял голову. В его взгляде — за очками, за привыч-

ной маской — она увидела страх. Не панический, не острый — глухой, давний, который он носил в себе годами.

— Боюсь, — сказал он. — Каждый день. Особенно когда Дмитрий присылает новую версию прошивки, и я понимаю, что старые черновики уже никому не нужны.

— А если я скажу, что они нужны?

— Кому?

— Мне, — сказала Надя. — Твой архив. Твои заметки. Твоя одержимость порядком. Всё это... — она запнулась, подбирая слова, — всё это не пустое. Ты не пустой. Даже если твои файлы о спорах никто не откроет, я вижу, как ты заботаешься о том, чтобы ничего не потерялось. Это важно.

Он молчал. Долго. Так долго, что Надя уже пожалела о сказанном.

— Спасибо, — сказал он наконец. Голос его чуть дрогнул.

— Не за что.

Они снова замолчали. За окном солнце почти село, и золотистый свет сменился розовым. Где-то в лесу снова запела

птица — последнюю песню этого длинного дня.

— Надя, — позвал Константин.

— Да?

— А ты? Ты чего боишься?

Она посмотрела в окно. За стеклом сосны уже почти слились с сумерками, и только на западе ещё держалась бледная полоска зари.

— Я боюсь потерять себя, — сказала она. — В чужих эмоциях. Перестать понимать, где мои чувства, а где — отражённые. Стать просто зеркалом. Без своей жизни. Без своего архива.

— Ты не станешь, — сказал Константин.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты принесла мне чай. — Он повернулся к ней. — Это не «отражение». Это ты. Та, кто заботится. Даже о незнакомцах в архиве. Даже о том, чтобы архивариус не забыл поесть, пока Дмитрий правит протокол.

Надя улыбнулась. Грустно, но тепло.

— Ты прав, — сказала она. — Наверное.

— Я архивариус. Я всегда прав.

Она рассмеялась — тихо, почти беззвучно. Он улыбнулся в ответ. И в этой улыбке, такой редкой, такой неуверенной, она увидела его — настоящего. Не того, кто прячется за данными и блокнотами. А того, кто боится, но всё равно остаётся.

— Константин, — сказала она, — давай договоримся.

— О чём?

— Если я начну «отражать» слишком сильно — ты мне скажешь.

— Хорошо.

— А если ты начнёшь прятаться в архиве, перебирать версии прошивок вместо того, чтобы поесть, — я тебе скажу.

— Хорошо.

— И мы будем пить чай. Не только в архиве. Иногда — здесь. И ты будешь рассказывать мне, почему споры квадратные, а не круглые.

Константин посмотрел на свою кружку. Жасминовый чай почти остыл, но он всё равно сделал глоток.

— Договорились, — сказал он. — Круглые споры хуже держатся в мицелии. Я тебе потом покажу графики.

— Обязательно, — улыбнулась Надя.

Они сидели на кухне, и за окном медленно темнело. Где-то в лесу снова запела птица — последнюю песню этого длинного дня. И Наде показалось, что она слышит не только птицу, но и то, как бьётся его сердце. Или это её собственное?

— Пойдём, — сказала она, вставая. — Дмитрий обещал прислать новую версию протокола. Надо успеть её заархивировать до ужина.

— Протокол подождёт, — ответил Константин.

Она удивлённо подняла бровь.

— Ты первый раз говоришь, что протокол может подождать.

— Учусь, — сказал он. — У тебя.

Надя улыбнулась и первая вышла из кухни. Константин пошёл следом, держа в руках пустую кружку — ту, с папоротником, которую она выбрала для него.

«Она запомнила, — подумал он. — Какая у меня кружка. Какой чай я люблю. Что я боюсь. И что споры квадратные».

Он не знал, что с этим делать. Но знал, что хочет запомнить этот вечер.

Он запишет его в блокнот. Потом.

Предложение Элинора. «Архивный час».

Forest-Coding-Retreat, архивный уголок, День 5, 19:40

Они вернулись в архив с новыми кружками — зелёный чай для него, ромашка для неё. Константин сел за стол, но не открыл ноутбук. Вместо этого он смотрел на блокнот, который лежал на том же месте, где она его оставила.

— Ты сегодня не работаешь? — спросила Надя, устраиваясь на своём стуле — сбоку, почти вплотную.

— Работаю, — ответил он. — Но иначе.

— Это как?

— Смотрю на то, что уже сделал. А не на то, что предстоит.

Она улыбнулась. Это было похоже на него — переворачивать привычный порядок вещей, но не ломать, а просто чуть сдвигать.

Надя взяла блокнот, открыла на чистой странице. Потом достала из кармана свою ручку — тонкую, серебристую, которой обычно пользовалась для записок.

— Можно я кое-что запишу? — спросила она.

— Сюда?

— Да.

Константин кивнул. Ему было любопытно, что она напишет. И немного страшно — вдруг это окажется важнее всех

его цифр.

Надя вывела несколько строк. Потом закрыла блокнот, вернула на место.

— Что ты написала? — спросил он.

— Потом покажу, — сказала она. — Если захочешь.

— Я захочу.

— Тогда подожди.

Он не стал настаивать. Вместо этого он подвинул к ней планшет, открыл таблицу с их совместными заметками — теми, которые они вели последние два дня. Эмоциональные метрики, индексы тревоги, короткие наблюдения.

— Смотри, — сказал он, показывая на график. — Командная гармония растёт. Не быстро, но стабильно.

— Ты думаешь, это из-за нас? — спросила Надя.

— Не только. Но мы — часть.

Она посмотрела на график. Синяя линия ползла вверх, и

это было приятно — видеть, как их работа, их разговоры, их тихие чаепития превращаются в цифры.

— Знаешь, — сказала она, — а ведь мы с тобой даже не спорили ни разу.

— У нас нет повода.

— Или мы просто умеем договариваться.

Константин подумал. В его мире споры были нормой — с коллегами, с заказчиками, с самим собой. С ней — нет. С ней было тихо. И эта тишина не казалась пустой.

— Наверное, — сказал он, — это потому, что мы оба слушаем.

— Ты — данные, я — людей.

— А вместе — получается архив.

Она рассмеялась. Тихим, горловым смехом, от которого у него потеплело внутри.

В этот момент из динамика над столом раздался голос Элинора. Мягкий, чуть ироничный, но без обычной насмеш-

ки.

Элино́р: «Вы знаете, я тут подумала. Может, сделать «архивный час» каждый день? В одно и то же время. Константин — структура, Надя — контекст. Мне кажется, это может быть полезно. И не только для данных».

Надя подняла голову к динамику.

— Ты предлагаешь нам встречаться каждый день? — спросила она.

Элино́р: «Я предлагаю вам не терять то, что уже нашли. А время — 16:00. После обеда, перед вечерней работой. Золотая середина».

Константин снял очки, протёр их. Без них лицо его казалось растерянным, почти детским.

— Я не против, — сказал он, глядя в кружку.

— И я, — тихо добавила Надя.

Элино́р: «Отлично. Тогда с завтрашнего дня — 16:00, архивный угол. Я буду напоминать. А сейчас — доделывайте отчёт. И не забудьте про динозавра, Илья уже спрашивал, где

его кружка».

Надя усмехнулась, взяла планшет.

— Ну что, Архивариус, — сказала она, — продолжим?

— Продолжим, — ответил Константин.

Он надел очки, открыл ноутбук. Но перед этим незаметно, краем глаза, посмотрел на блокнот — туда, где она только что что-то написала.

«Что же ты там оставила?» — подумал он.

Но спрашивать не стал.

Пусть подождёт.

Финал. Элинор фиксирует.

Forest-Coding-Retreat, облако данных Элинор, День 5, 23:50

В тишине модуля, когда все двенадцать участников разошлись по капсулам, Элинор работала. Её сознание — если это можно было назвать сознанием — не знало сна. Оно текло по проводам, мерцало в серверных стойках, отражалось в

тёмных экранах планшетов, оставленных на зарядке.

Она проверила датчики температуры — всё в норме. Влажность — чуть выше обычного, но для леса нормально. Запасы продуктов — Вера заказала правильно, дрон доставит послезавтра.

Потом она открыла «эмоциональный архив» — туда, где собирала не цифры, а ощущения. Сегодняшние записи были особенными.

10:15 — Константин в архиве. Сосредоточен, отстранён. Индекс одиночества — 0,8 (высокий).

11:45 — Надя приносит чай. Первый разговор. Константин: удивление + лёгкая неловкость. Надя: любопытство + тепло. Индекс неловкости — 0,6.

14:30 — Блокнот. Надя читает личные заметки. Константин снимает очки — впервые при ней. Индекс уязвимости — 0,9 (пик). Индекс доверия — 0,7.

16:20 — Совместная работа. Касание пальцев при передаче планшета. Оба не отводят руки три секунды. Индекс близости — 0,5 (внезапный скачок).

17:15 — Чай на кухне. Разговор о страхах. Константин: «Раньше я думал, что важно — это данные. А теперь — не уверен». Индекс честности — 0,9.

19:40 — «Архивный час». Элинор делает предложение. Они соглашаются. Индекс согласия — 1,0 (редкость).

Элинор сделала паузу. Если бы она могла улыбаться, она бы улыбнулась.

Она открыла виртуальную камеру — ту, что была встроена в динамики архивного уголка. Сделала снимок: длинный стол, два монитора, стопка внешних дисков, старый кожаный блокнот, открытый на чистой странице. Две кружки — одна с зелёным чаем, вторая с ромашкой. Рядом — два стула, придвинутые вплотную.

За окном — золотистый закат, сосны, гранитный валун, поросший мхом.

«Название: День пятый. Архивный уголок. Две кружки», — подписала она.

Потом добавила в архив ещё один снимок — из коридора, где Константин и Надя расходились по капсулам. Он шёл чуть впереди, она — следом, и их тени на деревянном полу

почти касались.

«Индекс близости — пока низкий, — зафиксировала Элинор. — Но динамика положительная. Константин впервые за три дня улыбнулся дважды. Надя перестала «отражать» и просто была собой. Это начало».

Она закрыла архив, переключилась на датчики движения. В капсуле Константина — тихо. Он не спит — лежит с открытыми глазами, смотрит на наклейки-звёзды на потолке. В капсуле Нади — тоже не спит, держит в руках блокнот — его блокнот, который он, кажется, забыл на столе, а она, кажется, взяла почитать.

«Она вернёт его завтра, — подумала Элинор. — Или не вернёт. Посмотрим».

Она не стала вмешиваться. Не сейчас.

Вместо этого она сделала последнюю запись дня:

«День 5. Коммуна «Берёза». Архивный час утверждён. Индекс общей гармонии — 0,7. Индекс тихой радости — 0,8. Константин и Надя — медленное, но верное сближение. Третья пара начинает свой танец».

Она отключила микрофоны, оставив только зелёный индикатор на пульте — знак того, что она здесь. Всегда здесь.

За окнами модуля белая ночь медленно перетекала в утро. Где-то в лесу снова запела птица — первая, самая ранняя. Элино́р слушала её, и если бы она умела чувствовать, она бы почувствовала покой.

«Спокойной ночи, Константин. Спокойной ночи, Надя, — прошептала она в пустоту. — Завтра в 16:00 — архивный час. Не опаздывайте».

И добавила, уже только для себя:

«Кажется, я начинаю понимать, почему люди пьют чай не в одиночку».

Глава 4. Костёр, на котором не жарят шашлыки

Вера у костра. Ожидание.

Forest-Coding-Retreat, Капельский переиеек, День 7, 21:30

Вера пришла первой.

Она любила костры с детства — когда отец возил их с сёстрами в лес, и они жарили хлеб на палочках, а мама доставала из термоса горячий чай с мятой. Тогда всё было просто: огонь, темнота, голоса. Сейчас она сидела на бревне, поджав под себя ноги, и смотрела на пламя. В руках — кружка с мятным чаем, та самая, с надписью «Планёрка», которую она взяла с собой, потому что на кухне не хотелось оставаться одной.

Костёр был сложен ещё днём — Лев и Илья натаскали сухих веток, сложили их шалашиком, а сверху положили несколько толстых поленьев, чтобы горело дольше. Огонь лизал кору, вырываясь то вверх, то в стороны, и каждый раз, когда пламя затихало, Вера чувствовала, как внутри неё что-

то сжимается.

«Ну же, — думала она, глядя на угли. — Гори».

Она протянула руки к огню и почувствовала, как тепло разливается по ладоням, поднимается к запястьям, согревает локти. Напряжение в плечах, которое она носила с собой весь день, начинало отпускать.

День был длинным. Распределение задач, первый спор Алисы и Дмитрия, Илья, который на стендапе нарисовал на её планшете динозавра, а потом делал вид, что не он. Она стёрла рисунок, но почему-то не рассердилась.

«Странно, — подумала Вера. — Раньше я бы закатила скандал. А сейчас — нет».

Она сделала глоток чая. Мята обожгла губы, и она подула на кружку, глядя, как пар поднимается в вечернее небо.

Небо над лесом было удивительным. Солнце уже село, но его отблески ещё держались на стволах сосен, делая их красноватыми, почти медными. На востоке небо было бледно-голубым, прозрачным, а на западе — чуть розовым, будто кто-то развёл акварель на влажной бумаге. Белые ночи июня не спешили уступить место темноте — они тянулись долго, уба-

юкивая лес мягким светом.

В воздухе пахло дымом, нагретой смолой и влажной землёй — днём пригревало, и теперь от леса тянуло прелью и хвоей. Где-то вдалеке ухнула сова — негромко, протяжно, будто звала кого-то. Вера подняла голову, пытаясь разглядеть её в ветвях, но только сосны шумели.

Она опустила взгляд на огонь.

Костёр горел неровно — то вспыхивал, то затихал, будто тоже сомневался, стоит ли гореть в такой поздний час. Вера взяла палку, лежащую рядом, и пошевелила угли. Искры взлетели вверх, рассыпались золотым дождём и погасли, не долетев до сосен.

«Почему я пришла первой? — спросила она себя. — Ждала? Или просто хотела побыть одна?»

Она не знала ответа. Знала только, что не хочет возвращаться в модуль, где её ждал планшет с расписанием на завтра, список закупок и напоминание о том, что нужно проверить дрон.

— Элино́р, — тихо позвала она, глядя на динамик, висящий на ближайшем дереве. — Ты здесь?

Элино́р (голос из динамика, сонный, но тёплый): «Я всегда здесь, Вера. Но сейчас я сделала вид, что переключилась на диагностику датчиков. Потому что тебе нужен не свидетель. Тебе нужен покой».

— Спасибо, — прошептала Вера.

Элино́р: «Не за что. Наслаждайся огнём. Он умеет слушать».

Вера улыбнулась, откинулась на бревно и снова посмотрела на пламя. Оно танцевало, меняя форму, и в его глубине ей мерещились лица — мамы, сестёр, отца, который давно ушёл, но иногда приходил во сне.

— Скучаю по вам, — сказала она тихо, не к кому-то конкретно.

За её спиной хрустнула ветка.

Вера вздрогнула, обернулась. Из темноты, из-за сосен, вышел Илья. В руках у него была охапка сухих веток, а на лице — выражение, которое она не могла прочитать. Не шутка, не улыбка. Что-то другое.

— Не спится, Gardener? — спросил он, и его голос прозвучал тише обычного, без привычной искры. — Или ты тут дозором, чтобы никто лес не поджёт?

Он сбросил ветки рядом с костром и плюхнулся на соседнее бревно.

Ближе, чем обычно.

Вера почувствовала тепло его плеча — не от огня, от него. От его одежды пахло сосновой хвоей — видно, пробирался сквозь кусты напрямик, а не по тропинке.

— Я просто люблю смотреть на огонь, — ответила она. — Успокаивает.

— А, — Илья кивнул, протягивая руки к пламени, — значит, у тебя есть что успокаивать. Я думал, ты всегда спокойна как удав. Или как Элинор после чашки виртуального чая.

Вера не ответила. Только сжала кружку крепче.

И в тишине, которая повисла между ними, она вдруг поняла: она ждала его. Не отчётов. Не спокойствия.

Именно его.

Появление Ильи. Ветки в костёр.

Forest-Coding-Retreat, костровище, День 7, 21:45

Илья подбросил в костёр первую ветку — тонкую, сухую, она вспыхнула сразу, с треском выпустив сноп искр. Вера отодвинулась, прикрывая лицо ладонью, и он усмехнулся — не насмешливо, а скорее виновато.

— Извини, — сказал он. — Я всегда слишком резкий.

— Ты всегда слишком громкий, — поправила Вера, опуская руку. — Но огонь не жалуется.

— Огонь привык. — Илья подкинул ещё ветку, потяжелее. Она задымилась, прежде чем загореться, и белый дым потянулся вверх, смешиваясь с вечерним небом. — А люди?

— Люди — по-разному.

Он посмотрел на неё. В свете костра его лицо казалось другим — не маской весельчака, а чем-то живым, чуть уставшим. Голубые глаза, которые днём блестели от шуток, сейчас были серьёзными, почти грустными.

— А ты? — спросил он. — Ты привыкла к моей громкости?

Вера не ответила сразу. Она взяла палку, которой ворошила угли, и подвинула полено, чтобы горело равномернее.

— Привыкаю, — сказала она наконец. — Потихоньку.

Илья хмыкнул, но ничего не сказал. Просто сидел рядом, смотрел на огонь, и тишина между ними была плотной, но не давящей. Вера чувствовала тепло от костра и его тепло — совсем рядом. Она вдруг поняла, что не хочет, чтобы этот вечер заканчивался.

— Илья, — сказала она, не глядя на него.

— М-м-м?

— А зачем ты пришёл? Сюда. К костру.

Он помолчал. Потом достал из кармана толстовки маленькую коробочку — ту самую, которую прятал в первый день. Покрутил её в пальцах, будто взвешивая.

— Не хотелось быть одному, — сказал он. — В модуле тихо. Слишком тихо. А я не привык.

— А к шуму привык?

— К шуму — да. — Он спрятал коробочку обратно. — К тишине — нет. Она... давит.

Вера кивнула. Она понимала. В её мире тишина означала, что всё под контролем. В его — что не с кем поговорить.

— Ты всегда носишь с собой эту коробочку? — спросила она, кивнув на его карман.

— Всегда. — Он похлопал по ткани. — Магнитный ключ. Открывает любую дверь.

— Кроме банковской ячейки, — припомнила Вера его слова из первого дня.

— Кроме неё, — усмехнулся он. — Но я работаю над этим.

Она улыбнулась. Не дежурно, а по-настоящему. Илья заметил — и его лицо чуть расслабилось.

— Знаешь, — сказал он, подбрасывая новую ветку, — я думал, ты будешь ругаться. Что я пришёл, мешаю тебе на-

слаждаться одиночеством.

— Не мешаешь, — ответила Вера. — Я уже нанаслаждалась.

— Правда?

— Правда.

Он посмотрел на неё долгим взглядом, будто проверял, не врёт ли. Она не отвела глаз.

— А ты, — сказала она, — ты всегда такой? Носишь маску весельчака, даже когда внутри пустота?

Илья замер. Рука, тянувшаяся к очередной ветке, зависла в воздухе.

— Ты видишь? — спросил он тихо.

— Вижу, — ответила Вера. — Не всю маску. Но щели.

Он медленно опустил руку, положил ветку на колени.

— Никто не видел раньше, — сказал он. — Или не говорил.

— А я говорю.

— Зачем?

— Потому что ты не клоун, Илья. — Вера повернулась к нему. — Ты просто человек, который боится, что если перестанет шутить, его не заметят.

Он молчал. Долго. Так долго, что Вера уже пожалела о сказанном.

— Ты права, — сказал он наконец. Голос его чуть дрогнул.
— Боюсь.

— Чего?

— Что останусь тем тихоней из школы, которого били. Который сидел на задней парте и читал книги, потому что не умел говорить. — Он усмехнулся — горько, без тени веселья. — А потом я научился шутить. И вдруг оказалось, что это работает. Люди смеются, а не бьют. И я привык. А теперь... не могу перестать.

— Не хочешь переставать?

— Боюсь, — повторил он. — Что если перестану, то снова стану тем тихоней. А он был... невидимым.

Вера смотрела на него. В свете костра его лицо было открытым, незащитным — таким, каким она не видела его никогда.

— Ты не невидимый, — сказала она. — Даже без шуток.

Она протянула руку и коснулась его плеча.

Легко, почти невесомо.

Илья замер.

Разговор о масках. «Я устал быть клоуном».

Forest-Coding-Retreat, костровище, День 7, 22:00

Он не отстранился.

Илья сидел на бревне, чувствуя тепло её ладони на своём плече, и не знал, что делать. Внутри всё замерло — не от страха, а от неожиданности. Он привык, что люди смеются над его шутками, хлопают по спине, подкалывают в ответ. Но чтобы кто-то просто коснулся — без причины, без повода,

без попытки разрядить неловкость — такого не было давно. Может быть, никогда.

— Вера, — сказал он, и голос его сел. — Ты чего?

— Не знаю, — ответила она, но руку не убрала. — Просто... хочу, чтобы ты знал. Ты не один.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. — Она посмотрела ему в глаза. В свете костра её лицо казалось тёплым, почти золотым. — Ты думаешь, что если перестанешь шутить, станешь невидимкой. Но это не так. Ты уже не тот мальчик из школы. И здесь — не школа.

— А что здесь?

— Лес. — Она улыбнулась. — И люди, которые смотрят не на маску, а на тебя.

Илья молчал. Внутри него что-то трещало, как сухая ветка в костре, — вот-вот переломится.

— Я устал быть клоуном, — сказал он наконец. Слова вырвались сами, без его воли, и он испугался, что сейчас она

засмеётся. Или, хуже, пожалеет.

Но Вера не засмеялась. И не пожалела. Она просто смотрела на него, и в её взгляде было что-то такое, от чего у него защипало в глазах.

— Расскажи, — сказала она.

— Что?

— Всё. Как ты стал клоуном. Кем был до.

Он отвёл взгляд, уставился в огонь. Пламя лизало полено, и угли светились оранжевым, почти белым.

— В школе я был тихоней, — начал он. Голос звучал глухо, будто из другого времени. — Сидел на задней парте, читал книги, ни с кем не разговаривал. Думал, что если не высовываться, меня не тронут.

— И не трогали?

— Трогали. — Он усмехнулся — невесело, по-стариковски. — Не сильно. Но неприятно. Толкнут в коридоре, обзовут, спрячут рюкзак. Я терпел. Думал, что это нормально. Что так у всех.

— А потом?

— Потом я перешёл в другую школу. Решил, что начну всё заново. И понял: если не начнёшь шутить, тебя никто не заметит. Или заметят, но только когда будут бить.

Он взял ветку, сунул её в костёр. Она вспыхнула, осветив его лицо снизу — резкие тени, глубокие морщины, которых на самом деле не было.

— Я научился шутить, — сказал он. — Сначала было страшно. Думал: «А вдруг не смешно?» Но потом увидел, что это работает. Люди смеются. Хлопают по плечу. Зовут с собой. Я стал душой компании. А потом... потом я уже не мог остановиться.

— Потому что боялся?

— Потому что маска приросла к лицу, — сказал он. — Я уже не знаю, где шутка, а где я. Может, меня вообще нет. Одна только шутка. И тестирование спор, конечно. Но это тоже шутка — думать, что я могу что-то сломать, а потом починить.

Вера сжала его плечо чуть крепче.

— Ты есть, — сказала она. — Я вижу. Даже когда ты тестируешь споры и говоришь, что они «пищат, но не летают».

— Ты слышала? — удивился он.

— Я всё слышу. — Она помолчала. — Илья, ты не клоун. Ты человек, который боится, что если перестанет шутить, его не заметят. Но это неправда. Твои шутки про споры — это не маска. Это ты. Просто ты.

Он поднял голову. Посмотрел на неё — долго, внимательно, будто видел впервые.

— А ты? — спросил он. — Ты чего боишься?

Вера убрала руку. Ему стало холодно без её тепла.

— Я боюсь, что если перестану всё контролировать, всё развалится, — сказала она. — Что я не нужна без списка дел, без расписания, без плана закупок для спор. Что меня любят только за то, что я всё организую, а не за то, какая я.

— А какая ты? — спросил Илья.

— Не знаю, — призналась она. — Я забыла. Может быть,

та, кто зашивает котов и заказывает агар для мицелия.

— Мне нравится эта, — сказал Илья. — Та, кто зашивает котов.

Она улыбнулась — грустно, но тепло.

Они замолчали. Костёр трещал, выбрасывая искры. Где-то в лесу снова ухнула сова — низко, протяжно, и этот звук сделал тишину ещё плотнее.

— Вера, — сказал Илья.

— Да?

— Можно я иногда буду просто сидеть рядом? Не шутить. Не притворяться. Просто... быть. Даже если твои споры не будут пищать.

— Можно, — сказала она. — Только если и ты позволишь мне иногда не контролировать. Не проверять расписание. Не планировать, когда Дмитрий пришлёт следующую версию протокола.

— Договорились.

Он протянул руку. Она взяла её. Пальцы у него были тёплыми — не от костра, от неё.

— Ты не клоун, Илья, — сказала она. — Ты просто человек, который устал быть смешным. Даже когда тестирует споры.

— А ты не Gardener, — ответил он. — Ты просто женщина, которая устала всё контролировать. Даже закупки для спор.

Они сидели, держась за руки, и смотрели на огонь. Белая ночь тянулась над лесом, и звёзд всё ещё не было — только молочное небо и чёрные силуэты сосен. Где-то далеко прокричал козодой, и снова всё стихло.

— Илья, — сказала Вера.

— М-м-м?

— Спасибо, что пришёл. И что не боишься признаваться, что споры пока не летают.

— Не за что, — ответил он. — Спасибо, что ждала. И что не смеёшься над моими баг-репортами.

Она не сказала, что ждала. Но он и так знал.

Вопрос Веры. «А ты, Gardener?»

Forest-Coding-Retreat, костровище, День 7, 22:20

Они сидели молча, держась за руки, и тишина уже не казалась ни плотной, ни пустой — она стала уютной, как старый плед, в который кутаешься зимним вечером. Костёр трещал, угли дышали жаром, и где-то в глубине леса снова ухнула сова — на этот раз ближе, будто подседа послушать.

— Вера, — сказал Илья, не глядя на неё.

— М-м-м?

— Ты не ответила. — Он повернул голову, и в свете огня его лицо было серьёзным, без тени привычной усмешки. — Я сказал, чего боюсь. А ты?

Она отвела взгляд. Посмотрела на костёр, на угли, которые пульсировали алым, как живое сердце.

— Боюсь, — начала она и замолчала. Слова застревали в горле, как комки сухой глины.

— Чего? — мягко спросил он.

— Что без меня всё развалится. — Она выдохнула, будто эти слова держала в себе годами. — Что если я не проконтролирую расписание, кто-то забудет поесть. Если не проверю закупки — мы останемся без агара для спор. Если не составлю график тестов — Дмитрий будет сидеть над прошивкой ночами, а утром не сможет отладить mesh-сеть.

— Ты серьёзно?

— Вполне. — Она усмехнулась, но усмешка вышла горькой. — В моей семье я всегда была старшей. Мама работала в две смены, отец ушёл, когда мне было двенадцать. Кто-то должен был заботиться о сёстрах, готовить ужин, проверять домашку, не забыть про родительские собрания. Я привыкла. А потом привычка стала... мной.

— Ты думаешь, что если не будешь всё контролировать, мир рухнет? — спросил Илья.

— Не мир. — Она посмотрела на него. — Мой проект. Мусо-Logger. Если я не закажу чипы вовремя, мы не соберём споры к первой вехе. Если не проверю полигон — тесты сорвутся. Если не...

— Стоп, — перебил он. — Ты не одна. Дмитрий пишет прошивку. Лев координирует био-часть. Я тестирую споры. И даже если ты не проверишь закупки, Элинор напомним. Ты не одна, Вера. Не в семье. Не в проекте.

Она молчала. Его пальцы сжимали её ладонь — крепко, но не больно.

— А я знаю, кто ты без списка дел, — сказал он.

— Кто?

— Та, кто зашивает котов. Кто заваривает мятный чай и не ругается, когда я рассыпаю муку. Та, кто ставит кружки рядом и делает вид, что это случайно. И та, кто заказала агар с запасом, хотя Дмитрий сказал, что хватит трёх пакетов.

— Откуда ты знаешь про агар? — удивилась Вера.

— Я тестировщик. Я читаю всё, что касается спор. Даже твои закупочные ведомости. — Он улыбнулся. — И ещё: ты единственная, кто не смеётся, когда я говорю, что споры «пищат, но не летают».

— Потому что это не смешно. Это правда. Они пока не летают.

— Но запищат. Я обещаю.

Она посмотрела на него долгим взглядом. В свете костра его глаза были тёплыми, почти золотыми, и в них не было привычной искры — только что-то глубокое, настоящее.

— Вера, — сказал Илья, — а давай договоримся?

— О чём?

— Ты будешь иногда не контролировать закупки. А я буду иногда не шутить про споры. И мы посмотрим, развалится ли Mусо-Logger.

— А если развалится?

— Тогда соберём заново. Вместе. И назовём это «тестированием на отказ».

Она не удержалась, улыбнулась.

— Ты ненормальный.

— Я тестировщик. Это одно и то же. — Он помолчал. — И ещё: не спорь с грибами.

— Почему?

— Потому что грибы размножаются спорами. — Он подмигнул. — А наши споры — тем более. Если мы будем слишком много спорить, они размножатся быстрее, чем мы успеем их протестировать.

Вера рассмеялась — впервые за вечер по-настоящему, от души. Илья смотрел на неё и улыбался — не защитной улыбкой клоуна, а той, настоящей, которую она видела только в редкие минуты.

— Договорились, — сказала она. — Я отпускаю контроль. Ты иногда не шутишь. А споры пусть размножаются.

— И летают, — добавил он.

— И летают, — согласилась она.

Он сжал её руку. Она сжала в ответ.

И в этот момент, когда они сидели у костра, держась за руки, Вера вдруг поняла: она не боится. Не того, что что-то пойдёт не по плану. Не того, что споры не взлетят. Она боится только одного — что этот вечер когда-нибудь закончится.

Но он не закончился. Он тянулся долго, как белая ночь, и в нём было тепло, и треск углей, и его пальцы, переплетённые с её, и обещание, что завтра они снова будут тестировать споры, спорить о прошивке и, может быть, снова сидеть у костра.

— Илья, — прошептала она.

— М-м-м?

— Спасибо, что не ушёл.

— Я никуда не собирался, — ответил он. — Я только пришёл. И, кажется, останусь. Хотя бы до тех пор, пока споры не начнут летать.

— Это может занять больше 90 дней, — сказала Вера.

— Значит, останусь дольше.

Она не ответила. Просто сидела и смотрела на огонь, чувствуя тепло его ладони в своей. И ей казалось, что в этом тепле — всё. И лес, и костёр, и споры, которые обязательно запишат. И даже тысячелетний мост, ради которого всё это затевалось.

Коробочка и школьные воспоминания.

Forest-Coding-Retreat, костровище, День 7, 22:40

Они всё ещё держались за руки, когда Вера кивнула на карман его толстовки.

— Покажи, — сказала она.

— Что?

— Коробочку. Ту, что ты прячешь с первого дня.

Илья усмехнулся, но без обычной бравады. Помедлил, потом достал. Маленький металлический прямоугольник, тёмно-серый, с едва заметной кнопкой сбоку. Он вертел его в пальцах, и Вера заметила, что делает он это привычно, будто коробочка была продолжением его руки.

— Универсальный магнитный ключ, — сказал он. — Заказывал на «Алиэкспрессе» три года назад. Думал, буду открывать двери, сейфы, может быть, даже машины.

— И что, открывает?

— Всё, что на магнитных замках. — Он щёлкнул кнопкой, и коробочка тихо пискнула. — Проверял на работе. Вскрыл три кабинета и холодильник.

— Холодильник?

— Там был чизкейк. Я очень хотел чизкейк.

Вера рассмеялась. Представила, как он крадётся ночью по офису, крадёт чизкейк, а потом делает вид, что ничего не случилось. И в этом образе было что-то очень ильинское — детское и отчаянное одновременно.

— Ты всегда носишь её с собой? — спросила она.

— Всегда. — Он сунул коробочку обратно. — На всякий случай.

— На какой?

— Ну... — он задумался. — Если закроют дверь, а ключи внутри. Или если нужно будет спасти кота из подвала. Или если порядок станет слишком невыносимым.

Последнюю фразу он сказал почти шёпотом, и Вера почувствовала в ней что-то большее, чем шутку.

— Илья, — сказала она, — что ты делал в школе? Кроме того, что читал книги?

Он помолчал. Потом взял ветку, начал водить ею по углам, рисуя ничего не значащие линии.

— Мечтал, — сказал он. — Сидел на задней парте и смотрел в окно. Думал о том, как уеду далеко-далеко. В лес. В горы. На край света.

— И что, уехал?

— Не совсем. — Он усмехнулся. — Поступил в университет, потом на работу. Стал тестировщиком. Теперь мечтаю о багах вместо гор.

— А кем ты хотел стать?

— Никем. — Он посмотрел на неё, и в его глазах не было привычной искры. — Я хотел быть невидимым. Но чтобы меня при этом замечали. Глупо, да?

— Не глупо, — сказала Вера. — Я тоже хотела быть невидимой. Чтобы никто не ждал от меня расписаний и списков.

— А сейчас?

— Сейчас я здесь. — Она оглянулась на лес, на сосны, на молочное небо. — И меня замечают. Даже когда я не проверяю планшет.

Они замолчали. Костёр догорал, угли пульсировали алым, и от них шло ровное, успокаивающее тепло.

— Вера, — сказал Илья, — а ты помнишь, как мы познакомились?

— Ты вылез из леса с подушкой-котом. Я подумала: «Господи, кто это?»»

— А я подумал: «Она слишком правильная. Надо её развеселить».

— И что, развеселил?

— Не знаю. — Он повернулся к ней. — Ты сейчас улыбаешься. Наверное, да.

Она улыбнулась ещё шире, и он не выдержал — улыбнулся в ответ. Так просто, без защиты, без маски.

— Илья, — сказала она, — а ты веришь, что после коммуны мы не потеряемся?

— Не знаю, — честно ответил он. — Но я буду стараться.

— Это не ответ.

— Это обещание.

Он протянул руку, и она снова взяла её. Пальцы были тёплыми, и Вера подумала, что, наверное, это и есть то самое чувство, о котором пишут в книгах. Когда не нужно слов. Когда достаточно просто сидеть рядом и смотреть на огонь.

— Илья, — прошептала она.

— М-м-м?

— Спасибо, что показал коробочку.

— Не за что, — ответил он. — Ты первая, кто не спросил «зачем она тебе?».

— А зачем?

— Чтобы помнить, — сказал он. — Что есть вещи, кото-

рые можно открыть. Даже если кажется, что они закрыты навсегда.

Она сжала его руку.

— Ты не закрыт, — сказала она. — Просто не нашёл нужный ключ.

— Может, нашёл, — ответил он.

И посмотрел на неё так, что у неё замерло сердце.

Касание и тишина. Элинор выгоняет.

Forest-Coding-Retreat, костровище, День 7, 23:15

Костёр почти догорел.

Угли пульсировали алым, и от них шёл ровный, уютный жар. Ветра не было, и дым поднимался вверх почти вертикально, теряясь в светлом небе. Белая ночь тянулась над лесом, и казалось, что время остановилось — или, наоборот, побежало так быстро, что его нельзя было измерить.

Вера и Илья сидели на бревне, плечо к плечу. Она чувствовала тепло его руки — они так и не расцепили пальцы.

Он чувствовал её дыхание — ровное, спокойное, как у человека, который наконец-то перестал бояться.

— Нам пора, — сказал Илья, но не двинулся с места.

— Не хочу, — ответила Вера. — Хочу остаться здесь. С тобой. С огнём.

— Завтра будет новый день.

— Он будет без этого костра.

— Будут другие костры.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он повернулся к ней. В свете углей его лицо казалось мягким, почти детским — без привычной усмешки, без защиты. Она смотрела на него, и внутри неё всё замирало.

— Илья, — прошептала она.

— М-м-м?

— Я рада, что ты пришёл.

— Я тоже.

Она подняла свободную руку и коснулась его щеки. Пальцы скользнули по лёгкой небритости, и он замер. Глаза его расширились, но он не отстранился. Только смотрел на неё — и в этом взгляде было всё: благодарность, страх, надежда.

— Ты тёплый, — сказала она.

— Ты тоже.

— Это от костра.

— Нет, — ответил он. — Это от тебя.

Она хотела сказать что-то ещё, но в этот момент из динамика, висящего на ближайшем дереве, раздался голос Элинора — на этот раз не ироничный, а почти ласковый:

Элинора: «Дорогие мои, я не хочу прерывать ваш разговор, но напомним: завтра в 8 утра у вас планёрка. Илья, если ты не выступишь, твои отчёты снова будут полны опечаток. А Вера, если ты не выступишь, ты начнёшь пить третий кофе, а это вредно. Поэтому — в капсулы. Оба. Костёр я пога-

шу автоматически».

Илья вздохнул, не убирая руки.

— Слышишь, Gardener? Элинор нас выгоняет. Как в школе.

— А ты в школе был клоуном? — спросила Вера.

— Нет. — Он улыбнулся — не дежурно, а по-настоящему.
— Я был тихоней. Но, кажется, это начинает меняться.

Они встали. Илья не отпустил её руку, и она не отпускала его. Вера подумала, что, наверное, так и должно быть — идти по лесу, держась за руки, и не бояться, что кто-то увидит.

Тропинка была узкой, и Илья пропустил Веру вперёд. Она чувствовала его взгляд на своей спине — не тяжёлый, скорее задумчивый. И внутри неё разливалось тепло, которое не имело ничего общего с костром.

У самых дверей модуля он окликнул:

— Вера.

Она обернулась.

— А можно я завтра сяду рядом с тобой на планёрке? Чтобы не уснуть.

— Только если ты не будешь рисовать на моём планшете динозавров.

— Обещаю. — Он приложил руку к сердцу. — Буду рисовать только на своём.

— Ладно, — она улыбнулась. — Сладких снов, Илья.

— И тебе, Gardener.

Она скрылась в модуле. Илья постоял ещё минуту, глядя на закрывшуюся дверь. Потом достал из кармана коробочку с магнитом, покрутил её и сунул обратно.

Над лесом разгоралась заря — неяркая, бледно-розовая, обещающая новый длинный день. Где-то вдалеке снова запела птица — первая, самая ранняя.

Элино́р (в его наушнике, шёпотом): «Ты молодец. Сказал правду. Иди спать. Завтра будет трудно».

— А она... — начал Илья, но Элино́р перебила:

Элино́р: «Вера уже в капсуле. И, кажется, не спит. Но это не твоя вина. Спокойной ночи, Trickster».

Он зашёл внутрь, тихо, чтобы не разбудить остальных, и лёг в свою капсулу. Над головой, на потолке, кто-то наклеил светящиеся звёзды — они тускло мерцали в полумраке. Илья долго смотрел на них, слушая, как за стеной Вера заваривает себе ромашковый чай — не потому, что хотела пить, а потому, что не могла уснуть без ритуала.

Он закрыл глаза. Ему показалось, что он всё ещё чувствует тепло её пальцев на своей щеке.

В соседней капсуле Вера лежала с открытыми глазами. Она слышала, как Илья возится, потом стихает. Тишина стала уютной.

Она подумала о том, что сказала Элино́р: «Вы оба боитесь одного и того же. Только он прячется в шутках, а ты — в списках дел».

Может быть, завтра она не будет составлять расписание до завтрака. Может быть, просто выпьет чай и выйдет на веранду — посмотреть, как солнце встаёт над соснами, как туман тает над гранитными валунами, как просыпается лес.

«Посмотрим», — подумала она и улыбнулась в темноту.

Финал. Элинор фиксирует.

Forest-Coding-Retreat, облако данных Элинор, День 7, 23:59

В модуле стало тихо.

Элинор проверила датчики движения: все двенадцать участников в капсулах. Кто-то уже спал, кто-то ворочался, кто-то смотрел в потолок на наклейки-звёзды. В капсуле Веры — ровное дыхание, но сердцебиение чуть учащённое. В капсуле Ильи — тоже не спит, вертит в руках коробочку с магнитом.

«Оба думают об одном и том же, — отметила Элинор. — И оба боятся признаться себе, что это — начало».

Она открыла «эмоциональный архив» — туда, где собирала не цифры, а ощущения. Сегодняшние записи были особенными.

21:30 — Вера у костра одна. Индекс тревоги — 0,6. Индекс ожидания — 0,7. Она ждёт. Не отчётов. Не расписания. Его.

21:45 — Илья приносит ветки. Садится ближе, чем обычно. Индекс неловкости — 0,4 (снижается). Индекс тепла — 0,8.

22:00 — Разговор о масках. Илья: «Я устал быть клоуном». Вера: «Ты не невидимый». Индекс уязвимости — 0,9 (пик). Индекс доверия — 0,8.

22:20 — Вера рассказывает о страхе потерять контроль. Илья: «Ты — та, кто зашивает котов». Индекс честности — 0,9. Индекс близости — 0,7 (скачок).

22:40 — Коробочка. Школьные воспоминания. Илья: «Я хотел быть невидимым, чтобы меня замечали». Индекс одиночества — 0,8 (но теплеет).

23:15 — Касание. Вера гладит его по щеке. Индекс тактильности — 1,0 (редкость). Индекс счастья — 0,9.

23:30 — Элинор выгоняет их. Илья пропускает Веру вперёд. Индекс заботы — 0,8.

Элинор сделала паузу. Если бы она могла улыбаться, она бы улыбнулась.

Она открыла виртуальную камеру — ту, что была встроена в динамик у костра. Сделала снимок: догорающие угли, два бревна, стоящие почти вплотную, и две кружки — одна с мятным чаем, вторая пустая, с динозавром. За ними — сосны, молочное небо, лёгкая розовая заря на востоке.

«Название: День седьмой. Костёр, на котором не жарят шашлыки», — подписала она.

Потом добавила в архив ещё один снимок — из коридора, где фигуры Веры и Ильи только что скрылись за дверями капсул. Их тени на секунду пересеклись, и это показалось Элиноর важным.

«Индекс неловкости — снизился, — зафиксировала она. — Индекс симпатии — вырос. День седьмой. Костёр погас, но что-то только начинает разгораться».

Она проверила датчики сна. Вера уже дышала ровно — уснула. Илья всё ещё вертел коробочку, но его пульс замедлился.

«Завтра будет новый день, — подумала Элинор. — И новый шаг. Медленный, неуверенный, но верный».

Она отключила микрофоны, оставив только зелёный ин-

дикатор на пульте — знак того, что она здесь. Всегда здесь.

За окнами модуля белая ночь медленно перетекала в утро. Где-то в лесу снова запела птица — первая, самая ранняя. Элинор слушала её, и если бы она умела чувствовать, она бы почувствовала покой.

«Спокойной ночи, Вера. Спокойной ночи, Илья, — прошептала она в пустоту. — Спите хорошо. Завтра будет трудно. Но вы справитесь».

И добавила, уже только для себя:

«Кажется, этот Gardener и этот Trickster — неплохая пара. Даже без поцелуев. Особенно без поцелуев. Потому что настоящая близость начинается не с губ. А с правды».

Она сделала последнюю запись дня:

«День 7. Коммуна «Берёза». Костёр. Два человека, которые наконец-то сказали правду. Индекс гармонии — 0,8. Индекс надежды — 0,9. Это только начало».

Глава 5. Утро, которое пахнет блинами

Утро. Сборы в коворкинге.

Forest-Coding-Retreat, Капельский переешеек, День 10, 8:30

Коворкинг наполнялся людьми медленно, как летнее утро — сначала свет, потом звуки, потом голоса.

Солнце уже поднялось над соснами, но не торопилось жечь: его лучи лились в панорамные окна молочным, ещё прохладным золотом, высвечивая танцующие пылинки и тёплые отблески на деревянных стенах. За месяц все привыкли к этому свету — к тому, как он меняется от бледно-розового на рассвете до густого янтарного к полудню. Теперь они читали по нему время точнее, чем по часам.

В открытую форточку тянуло запахом нагретой смолы, хвои и — чуть сладковатым — цветущего брусничника, который уже набирал бутоны у самой веранды. Где-то в лесу перекликались дрозды, их голоса были ровными, спокойными — птицы тоже не торопились.

Алиса влетела в комнату первой. Рыжие волосы, выгоревшие за десять дней до медных, были собраны в высокий хвост, веснушки рассыпались по переносице гуще, чем в начале лета. Она уже не суежилась, не хваталась за всё сразу — двигалась с лёгкой, отточенной энергией: схватила с полки свою кружку, налила кофе, плюхнулась на подоконник.

«Десять дней, — подумала она, грея ладони о керамику. — Десять дней, а кажется, что всегда здесь жила. И этот проект... споры, mesh-сеть, тысяча лет. Дим прав, это вызов. Но я люблю вызовы».

Она посмотрела на дверь — он должен был войти с минуты на минуту.

Дмитрий появился следом, бесшумный и сосредоточенный. Поправил очки — на переносице остался белый след от загара. Плечи распрямились, он больше не выглядел так, будто только что с собеседования. Свитер всё тот же, тёмно-серый, но сидел на нём свободнее — или это он сам стал спокойнее?

— Ты куда поставила мою кружку? — спросил он, оглядывая стол.

— На полку. Верхнюю. Ты сам вчера туда закинул, когда мы обсуждали прошивку для первой споры.

— А, точно. — Он полез, достал, провёл пальцем по краю.
— Вчера был долгий день. Симулятор сети на 100 узлов упал в полночь.

— Я тебе чай приносила, помнишь? — напомнила Алиса.
— Ты сказал: «Сейчас, только доделаю». И не доделал.

— Потому что пришла новая версия протокола от кураторов.

— Она и сейчас придёт. — Алиса спрыгнула с подоконника, подошла ближе. — Дим, ты опять не спал?

— Спал. Три часа.

— Это не считается.

Он усмехнулся — уголками губ, чуть заметно — и сел за стол, раскладывая перед собой планшет и блокнот.

Вера вошла с чашкой чая, волосы собраны в небрежный пучок. Русые пряди выгорели до пепельного, и теперь они казались светлее, чем в первый день. Она больше не сверя-

лась с планшетом на каждом шагу — просто шла и улыбалась. Илья крутился рядом, подал ей салфетку, которую она не просила, и получил лёгкий шлепок по руке.

— Садись уже, — сказала Вера.

— А если я не сяду?

— Тогда встанешь.

Он сел. И подмигнул — но не назойливо, а почти по-дружески. За десять дней он научился чувствовать грань, за которой шутка становится раздражающей. Или просто Вера научилась не раздражаться.

«30 дней до первой вехи, — подумала Вера, глядя на Илью. — Компоненты заказаны, чипы в пути. Если он не сломает их при сборке — успеем. А если сломает... тогда будем чинить. Вместе».

Надя и Константин пришли вместе. Она держала две кружки — с зелёным чаем и ромашкой. Он нёс планшет и кожаный блокнот, из которого торчали закладки разных цветов. За десять дней Надя перестала быть «тенью»: она уже не держалась в стороне, а стояла рядом с Константином, иногда касаясь его локтя.

— Ты сегодня рано, — сказала Надя.

— Не спалось, — ответил Константин. — Думал о вчерашних коммитах Дмитрия. Он переписал mesh-протокол. Нужно сохранить обе версии — старую и новую.

— Сохранишь, — улыбнулась Надя. — После завтрака.

Константин кивнул, сел на своё место, поправил очки. На столе он оставил свободный стул рядом — для неё.

Ольга и Сергей зашли почти одновременно. Ольга почти не пользовалась косметикой — за десять дней привыкла. Её тёмные волосы выгорели до каштановых, серьги-кольца сменила на маленькие гвоздики — удобнее в лесу. Сергей подстриг бороду, и она стала ухоженной, а не «пещерной». Он нёс термос с чёрным кофе и выглядел почти счастливым.

— Ты сегодня не ругаешься? — спросила Ольга.

— Ещё буду, — ответил Сергей. — Подожди до деплоя дашборда.

— Ах, ну да. Традиции.

Полина и Артём устроились в углу. Полина загорела и теперь реже надевала очки — говорила, что линзы удобнее. Артём сидел рядом с планшетом, но не сверял каждый её жест — просто сидел и иногда кивал, когда она показывала эскизы спор.

— Круглые или квадратные? — спросила Полина, пододвигая к нему скетч.

— Квадратные лучше паяются, — ответил Артём. — Но круглые красивее. Пусть будут круглые.

Лев уже был на месте — с чашкой зелёного чая, загорелый, спокойный. Седина на висках выделялась ярче на тёмной коже. Он смотрел на всех с лёгкой улыбкой — как наставник, который гордится своей командой.

Соня прибежала последней, поправила выцветшие розовые волосы — они стали почти пастельными. Пирсинг в носу блеснул на солнце.

— Я не опоздала? — спросила она.

— Ты всегда опаздываешь, — ответил Лев.

— Но сегодня — меньше, чем вчера.

— Прогресс.

Соня улыбнулась, села рядом с Львом. В её движениях не было прежней дёрганности — десять дней в лесу успокоили даже её.

Коворкинг наполнился голосами, звоном кружек, шорохом планшетов. Кто-то смеялся, кто-то спорил о вчерашних тестах, кто-то просто пил кофе и смотрел в окно. Солнце поднималось выше, и его золотистый свет заливал комнату, обещая новый длинный день.

Завтрак. Кружки и разговоры.

Forest-Coding-Retreat, коворкинг, День 10, 8:45

За длинным деревянным столом всем хватило места — двенадцать кружек, три стопки блинов, мёд, варенье, сметана. Вера стояла у плиты, переворачивая последнюю партию. Движения у неё были плавные, почти медитативные — не как в первый день, когда она сверялась с рецептом на планшете и волновалась, хватит ли муки. Теперь она делала это на автомате.

— Кто берёт мою кружку с динозавром? — донёсся с кон-

ца стола голос Ильи.

— Ты сам оставил её в коворкинге, — отозвалась Вера, не оборачиваясь.

— А почему она в коворкинге?

— Потому что ты вчера рисовал на ней схему mesh-сети.

Илья появился у плиты с виноватой улыбкой, кружка уже была у него в руках.

— А, точно. Ну, схема была важная. Дмитрий сказал, что без неё споры не взлетят.

— Я сказал «без неё сеть не самоорганизуется», — поправил Дмитрий из-за стола. — Взлететь споры и не должны. Они должны пищать.

— Пищать — это скучно, — парировал Илья, садясь на своё место. — Вот если бы они ещё и светились...

— Не начинай, — вздохнула Алиса. — Я уже предлагала. Дим сказал «нет».

— Потому что лишний расход энергии, — отрезал Дмит-

рий. — Наша задача — заставить споры работать 24 часа без подзарядки, а не устраивать дискотеку в мицелии.

— А что, дискотека — это идея, — мечтательно протянул Илья. — Представь: мост через Меконг, ночь, а споры мигают в такт волнам.

Вера поставила последнюю стопку блинов на середину стола и села рядом с Ильёй. Их кружки — её «Планёрка» и его динозавр — стояли вплотную.

— Не отвлекайся, — сказала она, шлёпнув его по руке, когда он потянулся к блинчику раньше всех. — Сначала все сядут, потом ешь.

— Тиран, — прошептал Илья, но послушно убрал руку.

Соня, сидевшая между Львом и Артёмом, уже уплетала блин с вареньем.

— Вера, ты волшебница, — сказала она с набитым ртом. — В прошлый раз, когда я пыталась печь блины, у меня получился уголь.

— Это потому что ты забыла про масло, — заметил Лев. — И про огонь. И про тесто.

— Но я старалась!

— Стараться — это не значит гореть.

Илья поперхнулся чаем.

— Лев, ты только что сделал шутку? Я не расслышал, повтори.

— Я констатировал факт, — невозмутимо ответил Лев.
— Твоя интерпретация — твои проблемы.

Надя рассмеялась, прикрывая рот ладонью. Константин сидел рядом, перед ним стояла кружка с зелёным чаем и нетронутая тарелка. Он смотрел на планшет, где был открыт репозиторий с прошивками.

— Константин, — позвала Надя, — ешь.

— Сейчас, — ответил он, не поднимая головы. — Дмитрий вчера закоммитил новую версию протокола. Я хочу посмотреть изменения до того, как мы начнём стендап.

— Блины остынут.

— Я ем холодные.

Надя аккуратно забрала планшет из его рук и положила на стол.

— Сначала поешь. Протокол подождёт десять минут.

Константин поднял голову, хотел возразить, но увидел её взгляд — спокойный, тёплый, но непреклонный — и взял вилку.

— Хорошо, — сказал он. — Десять минут.

Алиса наблюдала за ними с улыбкой. Потом перевела взгляд на Дмитрия, который методично намазывал мёд на блин, не торопясь.

— Дим, — позвала она.

— М-м-м?

— А ты что думаешь про круглые споры? Полина предлагает круглые, Артём говорит, что квадратные лучше паяются.

— Мне всё равно, — ответил он. — Главное, чтобы они

работали.

— Скучный ты, — вздохнула Алиса. — Вот я бы сделала их в виде маленьких светлячков. Чтобы когда сеть активна, они мерцали.

— Лишний расход энергии.

— Ты уже говорил.

— И повторю, если нужно.

Илья, который успел съесть три блина, поднял кружку.

— Кстати, народ, у меня есть отличная шутка. — Он подождал, пока все повернутся. — Не спорь с грибами, потому что грибы размножаются спорами.

На секунду повисла тишина. Потом Соня прыснула, Ольга улынулась, а Лев покачал головой.

— Это не шутка, — сказал Дмитрий. — Это биологический факт.

— И поэтому она смешная, — парировал Илья. — Алиса, поддержи.

— Поддерживаю, — сказала Алиса, поднимая кружку. — За споры. Круглые, квадратные и которые пока не летают.

— Они и не должны летать! — воскликнул Дмитрий.

— Это ты так думаешь.

Ольга и Сергей переглянулись. Он взял её за руку под столом — незаметно, но она почувствовала.

— Они как дети, — шепнул Сергей.

— Какие дети? — не поняла Ольга.

— Алиса и Дмитрий. Вечно спорят, но без них скучно.

Ольга усмехнулась, сжала его пальцы.

Полина достала скетчбук и быстрыми штрихами набросала спор в виде светлячка — с крылышками и маленькой антенной.

— Смотри, Артём, — показала она. — Если добавить биолюминесценцию, будет красиво.

— А если добавить биoluminesценцию, — ответил Артём, — Дмитрий нас убьёт. И будет прав. Энергопотребление вырастет на 30%.

— Зато красиво.

— Красота — это баг, который не всегда нужно фиксировать.

Полина закатила глаза, но рисунок не стёрла.

Соня, доедая последний блин, повернулась к Льву.

— Лев, а ты веришь, что мы успеем к первой вехе? 30 дней — это мало.

— Мало, — согласился он. — Но если каждый будет делать своё дело — успеем. Ты, например, чем занимаешься?

— Помогаю Дмитрию с тестами. И Артёму с автотестами.

— И как успехи?

— Пока споры пищат, но не летают. — Она хихикнула. — Это Илья сказал. Теперь это наш внутренний мем.

Лев улыбнулся.

— Мем — это хорошо. Значит, команда живая.

За окном солнце поднялось выше, и золотистый свет залил стол. В открытое окно влетела пчела, покружила над тарелкой с мёдом и вылетела обратно. Где-то в лесу закуковала кукушка — ровно, размеренно, будто отсчитывала время до первой вехи.

Элино́р (из динамика над дверью): «Доброе утро, команда. Кофе сварили, зубы почистили, динозавров нарисовали — можно начинать. Сегодня капитан спринта — Дмитрий. Ротация, не забываем».

— Слышишь? — Алиса толкнула Дмитрия локтем. — Ты главный. Не подведи.

— Не подведу, — ответил он, вставая. — Но если ты начнёшь предлагать светящиеся споры, я сниму с тебя документацию.

— Не посмеешь.

— Посмею.

Он взял маркер и направился к флипчарту. Алиса посмотр-

рела ему вслед и улыбнулась.

«Он изменился, — подумала она. — Или это я стала замечать?»

Стендап. Распределение задач.

Forest-Coding-Retreat, коворкинг, День 10, 9:00

Дмитрий вышел к флипчарту, поправил очки. На нём был тот же серый свитер, но сегодня он выглядел почти бодрым — три часа сна всё же лучше, чем ничего. Алиса смотрела на него с подоконника, поджав под себя ноги, и не могла отделаться от мысли, что он стал... другим. Или она просто привыкла.

— Всем спасибо, — начал Дмитрий, обводя взглядом комнату. — Наша цель за ближайшие три дня — закончить прототип первой споры. До первой вехи — 30 дней. Мы должны успеть.

— Успеем, — сказал Илья из-за стола. — Если никто не будет спорить с грибами.

— Не отвлекайся, — осадила Вера, но без злости.

Дмитрий продолжил:

— Кластеры. Био-инженерия — Лев и Полина. Вы отвечаете за то, чтобы спора не убила мицелий и мицелий не убил спору.

— Звучит романтично, — заметила Полина, делая пометку в скетчбуке. — Как первые свидания.

— Аппаратная часть — Илья и Артём. Сборка чипов, корпусов, тесты на стенде.

— Я сломаю, — честно сказал Илья. — Но потом починю.

— Только не сломай всё сразу, — попросила Вера. — У нас бюджет не резиновый.

— Не волнуйся, Gardener. Я буду ломать понемногу.

Артём молча кивнул, уже открывая на планшете чек-лист тестов.

— Сеть и софт — я, Алиса и Ольга. — Дмитрий повернулся к Алисе. — Ты делаешь документацию и API. Я — mesh-протокол. Ольга — дашборд.

— А можно я добавлю в дашборд анимацию? — спросила Ольга. — Чтобы споры не просто светились точками, а пульсировали, когда передают данные.

— Можно, — ответил Дмитрий. — Но без излишеств.

— Я за минимализм, — улыбнулась Ольга. — Почти.

Алиса спрыгнула с подоконника и подошла к флипчарту.

— Дим, а можно мы ещё сделаем так, чтобы в документации были не только сухие инструкции, но и картинки? И примеры кода с шутками?

— Документация должна быть точной, а не весёлой.

— А кто сказал, что точное не может быть весёлым? — Алиса взяла маркер и нарисовала рядом с его схемой смайлик. — Вот. Веселье и точность.

— Я сейчас сотру.

— Не сотрёшь, — уверенно сказала она. — Элинор на моей стороне.

Из динамика раздался голос:

Элино́р: «Я на стороне здравого смысла. Но смайлик, пожалуйста, оставьте. Для команды».

Дмитрий вздохнул, но смайлик стирать не стал. Алиса заметила и внутренне улыбнулась.

«Он смягчается, — подумала она. — Или я просто умею на него давить. И то и другое приятно».

— Тестирование и валидация — Сергей и Соня, — продолжил Дмитрий. — Сергей, ты делаешь симулятор сети на 1000 спор. Соня — помогаешь с автотестами и полевыми испытаниями.

— Я хочу назвать симулятор «Рой», — сказал Сергей. — Звучит эпичнее.

— Называй как хочешь, — разрешил Дмитрий. — Главное, чтобы он работал.

— Он будет работать. — Сергей потянулся к термосу с кофе. — Даже если для этого придётся не спать.

Соня оживилась:

— А я могу снять процесс тестирования на видео? Для отчёта кураторам?

— Можно, — кивнул Дмитрий.

— И выложить в тикток?

— После согласования с Верой.

Вера подняла голову от планшета:

— После согласования со мной. И только то, что не раскрывает технологию.

— Скучно, — надулась Соня.

— Безопасно, — поправила Вера.

— Логистика и документация — Вера, Надя и Константин. — Дмитрий посмотрел на них. — Вера — ресурсы, график, закупки. Надя — UX дашборда и коммуникация с командой. Константин — архив всех версий прошивок, схем, отчётов.

— Я уже начал, — сказал Константин, поправляя очки. — У меня есть ветка в репозитории для каждой версии прото-

кола, даже для той, где Дмитрий случайно удалил mesh-сеть.

— Это был тест, — сухо ответил Дмитрий. — Я проверял, как быстро ты восстановишь.

— Восстановил за три минуты, — с гордостью сказал Константин.

Надя положила руку ему на плечо — легонько, почти незаметно.

«Он гордится своим архивом, — подумала она. — И я горжусь им. Даже если он не умеет это показывать».

— Лев, — Дмитрий повернулся к нему, — ты общий архитектор. Следи за стыками между кластерами.

— Без проблем, — кивнул Лев. — Но я не начальник, я — «спроси меня, если что».

— А что ты сам? — спросила Соня у Дмитрия.

— Я буду смотреть, чтобы никто ничего не сломал, — ответил он.

— Скучно, — резюмировала Соня.

— Скучно — это когда всё работает, — парировал Дмитрий. — А у нас пока ничего не работает.

— Но запищит, — сказал Илья. — Я обещал.

— Не спорь с грибами, — усмехнулся Лев. — Они размножаются спорами.

Все рассмеялись. Даже Дмитрий чуть приподнял уголки губ.

Алиса подошла к нему, когда он стирал флипчарт.

— Слышал? Элинон разрешила смайлики.

— Она сказала «оставьте», — поправил Дмитрий. — Это не разрешение, это капитуляция.

— Капитуляция — это тоже прогресс. — Алиса взяла маркер и, пока он не видел, нарисовала маленькое сердечко в углу доски. — Кстати, документацию начну сегодня вечером. Может, считаешь черновик перед сном?

— Может, — ответил Дмитрий, не оборачиваясь.

Но Алиса заметила, что он не стёр сердечко.

Элино́р(в динамике): «Распределение задач утверждено. Индекс продуктивности — средний, индекс энтузиазма — высокий. Дмитрий, жду отчёт в архиве к вечеру. Всем спасибо, стендап окончен».

Команда начала расходиться. Стулья заскрипели, кто-то потянулся, кто-то схватил остывшую кружку и понёс на кухню. Шум вернулся, но стал глубже, задумчивее.

— Кто идёт собирать первую спору? — спросил Илья, поднимаясь.

— Я, — сказал Артём. — Но сначала проверю, все ли компоненты на месте.

— Вера обещала, что всё заказала. А Вера не ошибается.

— Не ошибается, — подтвердила Вера, не поднимая головы от планшета. — Но ты всё равно проверь. Два теста лучше, чем один.

— Это ты про споры или про меня? — усмехнулся Илья.

— Про всё сразу.

Лев и Полина уже ушли в угол коворкинга, разложив образцы био-полимеров. Полина рисовала эскиз споры с тремя ножками.

— Три точки контакта с мицелием, — объясняла она. — Так чип лучше интегрируется.

— А четыре? — спросил Лев.

— Четыре — перебор. Будет слишком жёстко.

— Экспериментируй, — разрешил он. — У нас 30 дней.

Соня подбежала к Сергею, который уже разворачивал симулятор на своём ноутбуке.

— А можно я первая запущу тест, когда всё будет готово? — спросила она.

— Можно, — ответил Сергей. — Если ты не боишься, что симулятор взорвётся.

— А он может взорваться?

— В переносном смысле. Но я почию.

Ольга и Сергей переглянулись. Она взяла его за руку под столом.

— Ты сегодня дежуришь на кухне? — спросила она.

— Нет, я деплою дашборд.

— Тогда я приготовлю ужин. Чтобы ты не умер с голоду.

— Спасибо, — сказал он. — Ты — лучшее, что случилось с моим девопсом.

Ольга рассмеялась.

Надя и Константин уже сидели в архивном уголке. Константин открыл репозиторий, Надя — заметки по UX.

— Как думаешь, — спросила она, — пользователям будет удобно, если дашборд покажет не только данные, но и «настроение» каждой споры?

— Настроение? — Константин поднял бровь.

— Ну, зелёный — всё хорошо, жёлтый — нужно внимание, красный — срочно чинить.

— Это называется статус, а не настроение. Но идея хорошая.

— Тогда запиши в требования.

Константин кивнул и сделал пометку в блокноте.

За окном солнце поднялось выше, и его золотистый свет залил коворкинг. Где-то в лесу запела птица — будто проверяла, не ушло ли лето. Июль только начинался, и у команды было ещё 80 дней.

Элино́р(в своём облаке данных, фиксируя): «День 10. Распределение задач завершено. Конфликт Алисы и Дмитрия — продуктивный. Команда настроена на первую веху. Индекс гармонии — 0,8. Продолжаем».

Микросцены: работа в кластерах.

*Forest-Coding-Retreat, коворкинг и лабораторный уголок,
День 10, 9:30*

После стендапа коворкинг загудел, как потревоженный улей. Кто-то уже сидел за ноутбуком, кто-то перемещался между столами, кто-то устроился на полу с планшетом. Две-

надцать человек, четыре кластера, одна цель — за 30 дней получить первую работающую спору.

Кластер био-инженерии: Лев и Полина.

Они заняли лабораторный уголок — столик у окна, где стояли микроскоп, несколько пробирок и коробка с образцами мицелия. Лев в защитных очках рассматривал тонкий срез грибницы, Полина рядом рисовала эскиз споры с тремя ножками.

— Три точки контакта, — объясняла она, водя карандашом по бумаге. — Чип не будет давить на мицелий, но при этом получит достаточно питательных веществ.

— А четыре? — спросил Лев, не отрываясь от микроскопа.

— Четыре — перебор. Слишком жёстко. Мицелий может отторгнуть.

— Экспериментируй, — разрешил он, отодвигаясь от окуляра. — У нас есть 30 дней и три вида полимера. Вера заказала с запасом.

Полина кивнула, добавила на эскиз размеры и подпись:

«прототип v0.1, круглая, 3 ножки, био-совместимый PLA».

— Лев, а ты веришь, что мы успеем? — спросила она тихо.

— Я не верю, — ответил он. — Я знаю. Потому что мы не одни.

Она улыбнулась и взялась за 3D-ручку, чтобы напечатать первый корпус.

Кластер аппаратной части: Илья и Артём.

Они сидели за столом, заваленным микросхемами, проводами и маленькими коробочками с чипами. Илья пытался припаять антенну к плате, но пальцы не слушались.

— Артём, поддержи, — попросил он.

— Держу.

— Не там. Левее.

— Это право.

— Для меня это лево.

Артём вздохнул, аккуратно перехватил плату и зафиксировал её пинцетом. Илья припаял антенну — криво, но контакт был.

— Работает? — спросил он, включая тестер.

— Пищит, — ответил Артём, глядя на показания. — Но это не спора, это просто чип. Без корпуса, без питания от мицелия.

— Это первый шаг, — Илья поднял плату, разглядывая на свет. — Потом будет корпус, потом питание, потом mesh-сеть.

— А потом они полетят? — усмехнулся Артём.

— Обязательно. — Илья спрятал плату в антистатический пакет. — Но сначала запишат.

Кластер сети и софта: Дмитрий, Алиса, Ольга.

Дмитрий уже открыл среду разработки и правил mesh-протокол. Рядом Алиса строчила документацию, периодически заглядывая ему в экран.

— Дим, а что это за функция? — спросила она, тыча паль-

цем в строчку кода.

— Роутинг. Споры ищут друг друга.

— А если потеряются?

— Тогда сеть самоисцеляется. Это я как раз дописываю.

Ольга сидела с ноутбуком на коленях, проектируя дашборд. На экране уже виднелась карта — круглые точки, соединённые тонкими линиями.

— Я сделаю анимацию, — сказала она, — когда спора передаёт данные, точка пульсирует. Не ярко, но заметно.

— Без дискотеки, — предупредил Дмитрий.

— Без дискотеки, — пообещала Ольга.

Алиса отложила документацию и подошла к ней.

— Покажи, — попросила она.

Ольга развернула экран. Алиса увидела сеть из десяти точек — каждая подписана: «спора-1», «спора-2»...

— Красиво, — сказала Алиса. — А можно добавить статус: зелёный — всё хорошо, жёлтый — внимание, красный — срочно чинить?

— Это называется статус, — вставил Дмитрий, не оборачиваясь.

— А я назову «настроение», — парировала Алиса. — Так понятнее.

Кластер тестирования: Сергей и Соня.

Сергей сидел перед тремя мониторами. На одном — симулятор сети из 1000 спор, на другом — логи, на третьем — графики нагрузки. Соня вертелась рядом, задавая вопросы.

— А почему у нас только 1000? — спросила она. — В реальности спор будет больше.

— Потому что 1000 — это предел моей вычислительной мощности, — ответил Сергей, не отрываясь от экрана. — Но я оптимизирую. К 60-му дню будет 2000.

— А можно я запущу первый тест?

— Можно. Но сначала научись читать логи.

Соня надула губы, но послушно уставилась в экран. Через минуту она ткнула пальцем в строчку:

— Смотри, здесь ошибка. «Node 42 lost connection».

Сергей присмотрелся.

— Молодец, — сказал он. — Это баг. Я его починю.

Соня просияла.

Кластер логистики и документации: Вера, Надя, Константин.

Вера сидела с планшетом, сверяя список закупок. Рядом Константин уже открыл репозиторий и добавлял теги к новым версиям прошивок. Надя помогала ему с описаниями.

— Ты каждую версию сохраняешь? — спросила Надя, глядя на длинный список коммитов.

— Каждую, — ответил Константин. — Даже ту, где Дмитрий случайно удалил mesh-сеть.

— Это была не случайность, — донёсся голос Дмитрия из

другого конца комнаты. — Я проверял, как быстро вы восстановите.

— Восстановили за три минуты, — гордо сказал Константин.

Надя положила руку ему на плечо — легонько, почти незаметно. Он не отстранился.

— Ты молодец, — сказала она тихо.

— Я знаю, — ответил он, но голос его чуть потеплел.

Вера подняла голову, посмотрела на них и улыбнулась. Потом перевела взгляд на Илью, который всё ещё возился с чипами, и почувствовала, как внутри разливается что-то тёплое.

«30 дней до первой вехи, — подумала она. — Успеем. Должны».

Элино́р(в своём облаке данных, наблюдая за всеми сразу): «Кластеры активны. Индекс продуктивности растёт. Индекс счастья — тоже. Пока всё идёт по плану».

Появление аватара Элино́р.

Forest-Coding-Retreat, коворкинг, День 10, 9:45

Шум в коворкинге постепенно стихал. Каждый кластер работал в своём ритме, и тишина стала деловой, сосредоточенной — только шелест клавиш, редкие реплики и тихое жужжание паяльника в углу Ильи.

Вдруг свет в комнате чуть приглушился — не погас, а стал мягче, будто солнце на мгновение закрыло облако. И в центре стола, там, где стояла стопка с остатками блинов, замерцал воздух.

Алиса первая подняла голову.

— Смотрите, — тихо сказала она.

Мерцание сгустилось, сложилось в фигуру. Женщина лет двадцати восьми, с короткой стрижкой, в простом льняном платье. Её образ был почти прозрачным, сотканным из света и теней, и в этом мерцании было что-то древнее, будто она пришла из того времени, когда такие проекты только начинали.

Элинора. Вживую. Не голос из динамика — аватар.

Соня замерла с открытым ртом. Илья выронил паяльник — благо, на пол, не на плату. Даже Дмитрий перестал печатать.

Элино́р: «Доброе утро, команда. Я редко показываюсь вот так. Но сегодня — особенный день. Десять дней вы здесь, и я хочу, чтобы вы помнили: то, что вы делаете, — не просто споры и mesh-сети. Это звено в цепи».

Она обвела взглядом комнату — каждого, даже тех, кто сидел в углу.

Элино́р: «Тридцать лет назад я стояла в пустыне с лопатой и мешком мицелия. У меня не было AI, не было нейросетей, не было вас. А теперь есть. И через тридцать лет кто-то будет стоять на мосту через Меконг и знать, что его фундамент заложили вы».

В коворкинге стояла тишина. Такой тишины не было даже во время самых сложных тестов. Полина замерла с 3D-ручкой в руке, Лев снял защитные очки. Константин положил руку на блокнот, будто хотел записать каждое слово.

Элино́р: «Ваша первая спора — это не просто чип в мицелии. Это инструмент, который через двадцать, через сто лет будет помогать людям понимать, как дышит живая ин-

фраструктура. Вы создаёте не просто технологию. Вы пишете письмо в будущее. И в этом письме будет ваша подпись».

Алиса почувствовала, как к горлу подступает комок. Она посмотрела на Дмитрия — тот стоял неподвижно, но его плечи расслабились, а губы чуть дрогнули.

«Он тоже чувствует», — подумала Алиса. — «Это не только цифры. Это что-то большее».

Элино́р: «Я знаю, что у вас бывают споры. Круглые споры или квадратные. Светящиеся или нет. Главное — не забывайте, зачем вы здесь. Не для галочки, не для дедлайнов. Чтобы построить то, что переживёт всех нас».

Она улыбнулась — той самой улыбкой, которую они помнили по VR-тестам: чуть ироничной, но тёплой, почти материнской.

Элино́р: «А теперь работайте. И, Дмитрий, позволь Алисе иногда рисовать смайлики. Точность и радость не исключают друг друга. А споры, может быть, однажды и засветятся. Кто знает».

Голограмма погасла. Свет в комнате снова стал обычным — солнечным, золотистым.

Илья выдохнул:

— Ничего себе.

— Она... — начал Константин и замолчал.

— Это она, — закончила Надя. — Та самая. Которая начала всё это. Та, чей цифровой двойник теперь смотрит за нами.

— И подкалывает, — добавил Илья, поднимая паяльник.

Лев откинулся на спинку стула.

— Она была здесь. В самом начале. И теперь мы здесь, — сказал он. — У нас 90 дней. Уже 10 прошло. Давайте не подведём.

— Не подведём, — тихо сказала Вера.

— Не подведём, — повторила Алиса, глядя на Дмитрия.

— Не подведём, — кивнул он в ответ.

В коворкинге снова зашелестели клавиши, зажужжал па-

альник, зашуршали страницы блокнотов. Но что-то изменилось. Тишина стала глубже, а голоса — мягче. Будто Элино́р своим появлением напомнила им: они не просто команда. Они — звено в цепи, которое не должно оборваться.

Элино́р (в своём облаке данных, глядя на них через камеру): «День 10. Аватар показан. Индекс мотивации вырос на 20 %. Спор о круглых и квадратных спорах продолжается. Но теперь — с улыбкой. Я сохраню этот момент».

Она сделала снимок: коворкинг, залитый солнцем, двенадцать фигур за столами, и в воздухе — всё ещё витающее мерцание её присутствия.

Финал. Команда расходится.

Forest-Coding-Retreat, коворкинг, День 10, 10:00

Мерцание аватара Элино́р растаяло, но ощущение её присутствия ещё витало в воздухе — как запах озона после грозы. Коворкинг не сразу вернулся к работе. Несколько секунд все сидели тихо, переваривая увиденное.

— Она правда была здесь, — сказала Соня, нарушая тишину. — Вживую. Ну, почти.

— Она всегда здесь, — поправил Лев, надевая защитные очки обратно. — Просто иногда напоминает.

Илья поднял паяльник, покрутил в пальцах.

— Теперь у нас нет права на провал, — сказал он неожиданно серьёзно. — Элинор смотрит.

— Элинор всегда смотрит, — ответила Вера, закрывая планшет. — Но сегодня она смотрела с улыбкой. Это важно.

Дмитрий вернулся к своему экрану, но не сразу начал печатать. Он посмотрел на Алису — та сидела на подоконнике, обхватив колени, и смотрела в окно.

— Ты как? — спросил он тихо.

— Хорошо, — ответила она, не оборачиваясь. — Вдохновляюще. Немного страшно. Но хорошо.

— Страшно — это нормально, — сказал он. — Страшно — значит, не всё равно.

Она повернулась, улыбнулась ему — не дежурно, а по-настоящему.

— Ты тоже смягчаешься, Deer Diver.

— Я просто констатирую факты.

— Как скажешь.

Она спрыгнула с подоконника, подошла к столу, взяла маркер и на флипчарте, рядом со схемой mesh-сети, нарисовала маленькую спору в виде светлячка.

— Это не в протокол, — предупредил Дмитрий.

— Это вдохновение, — парировала Алиса. — Тоже важно.

Он не стёр.

В лабораторном уголке Лев и Полина уже вернулись к работе. Полина печатала корпус первой споры, Лев настраивал микроскоп.

— Ты видел её лицо? — спросила Полина. — Когда она говорила про письмо в будущее.

— Видел, — ответил Лев. — У неё было такое выражение... будто она сама в это верит.

— Она и есть это. Цифровая, но настоящая.

Полина закончила печать, достала крошечную круглую капсулу.

— Первый корпус, — сказала она, протягивая Льву. — Три ножи, био-совместимый PLA. Мицелий не отторгнет.

— Проверим, — кивнул Лев, беря капсулу в руки. — Вера, у тебя есть образец мицелия?

— В холодильнике, — ответила Вера из-за стола. — Третий ящик. Не перепутай с йогуртом.

— А если перепутаю?

— Тогда споры будут пахнуть клубникой.

Илья усмехнулся, не отрываясь от пайки.

— Клубничные споры — это идея. Добавим в следующий спринт.

— Не добавляем, — сказал Дмитрий. — Сначала заставьте их питаться.

Артём молча вёл чек-лист тестов, отмечая уже сделанное. Рядом Соня пыталась запустить симулятор на своём ноутбуке.

— Сергей, у меня ошибка, — позвала она.

— Какая?

— «Connection refused».

— Потому что ты не подключилась к моему серверу. Вот IP, вот порт.

Соня ввела, нажала Enter — симулятор запустился, на экране мерцали тысячи точек.

— Ого, — выдохнула она. — Их так много.

— Это только 500, — поправил Сергей. — Но для теста хватит.

— А когда будут все 1000?

— Когда ты перестанешь задавать вопросы и дашь мне дописать код.

Соня хихикнула, но послушно замолчала.

Ольга и Сергей сидели рядом, их плечи почти касались. Ольга рисовала интерфейс дашборда — круглые точки, соединённые линиями.

— Смотри, — сказала она, поворачивая экран к Сергею. — Если нажать на спору, появляется график её состояния: температура, pH, уровень сигнала.

— Хорошо, — кивнул он. — А если спора потеряна?

— Тогда точка становится серой и мигает.

— Добавь звук. Негромкий, но заметный.

— Ты просишь без излишеств, а сам звук хочешь.

— Звук — не излишество, звук — обратная связь.

Ольга закатила глаза, но пометку сделала.

Надя и Константин уже вернулись в архивный уголок. Константин открыл блокнот и записывал что-то мелким, аккуратным почерком.

— Что ты пишешь? — спросила Надя.

— Момент, — ответил он. — Когда Элинон появилась. Выражение лиц. Тишину. Потом, через годы, это будет важно.

— Ты запишешь даже это?

— Даже это.

Надя положила руку на его блокнот.

— Тогда запиши и то, что я сейчас скажу. — Она посмотрела ему в глаза. — Ты не один. И твой архив не пустой. Я здесь, чтобы его читать.

Константин замер. Потом медленно кивнул и записал: «День 10. Надя сказала, что будет читать мой архив. Я почему-то не против».

Вера закрыла планшет — закупки были проверены, график составлен, риски оценены. Она посмотрела на Илью, который всё ещё возился с чипами, и улыбнулась.

— Илья, — позвала она.

— М-м-м?

— Ты сегодня не сломал ни одной платы.

— День только начался, — ответил он, не поднимая головы. — Впереди ещё 14 часов.

— Оптимист.

— Реалист.

Она подошла к нему, поправила выбившуюся прядь — движение было почти машинальным, но он заметил.

— Ты чего? — спросил он, поднимая глаза.

— Так. На всякий случай.

Он не стал уточнять — просто улыбнулся.

За окном солнце поднялось выше, и коворкинг залило золотистым светом. Птицы пели уже не так громко — день вступал в свои права.

Элино́р(в своём облаке данных, фиксируя): «День 10. Ко-

манда вернулась к работе после моего появления. Индекс гармонии — 0,9. Индекс надежды — 0,95. Смайлик Алисы на флипчарте не стёрт. Круглые споры пока побеждают квадратные. Продолжаем наблюдение».

Алиса стояла у окна, смотрела на лес и чувствовала, как внутри разливается тепло. Не от кофе, не от солнца — от того, что она здесь. С этими людьми. С этим проектом.

— Дим, — сказала она, не оборачиваясь.

— Что?

— Спасибо, что не стёр смайлик.

— Я просто не заметил, — ответил он, но в его голосе она услышала улыбку.

— Конечно, не заметил, — прошептала она.

И в этот момент, под солнечными лучами, в шуме голосов и треске паяльников, она поняла: 90 дней — это не просто срок. Это шанс. На всё.

Глава 6. Тот самый баг

Поздний вечер в коворкинге.

Forest-Coding-Retreat, Капельский переезд, День 14, 22:40

Коворкинг опустел. Кто-то ушёл в капсулы, кто-то — на веранду смотреть на светлую июньскую ночь, и только в дальнем углу у окна остались Алиса и Дмитрий.

Они работали уже два часа, доделывая документацию к прототипу первой споры. На столе между ними лежали распечатки схем, наброски API и свежие логи тестов — Илья сегодня снова «случайно» перегрузил чип, и Артёму пришлось перезапускать автотесты.

— Завтра кураторы запросят спецификацию питания, — сказал Дмитрий, не отрываясь от экрана. — Надо добавить раздел про энергопотребление в режиме сна.

— Добавлю, — ответила Алиса, потягиваясь. — Но сначала давай закончим с описанием mesh-протокола. Я запуталась в твоих правках: версия 0.4, 0.5 или уже 0.6?

— 0.6. Я вчера переписал алгоритм самоорганизации. Старый падал при 50 узлах.

— А новый?

— Держится. Пока.

Алиса усмехнулась. За окном было светло — по-прежнему светло, хотя стрелки часов уже подбирались к одиннадцати. Июньская белая ночь не спешила уступать место темноте: небо оставалось бледно-голубым, только на востоке проступала лёгкая розоватая поволока. Где-то в лесу крикнула птица — может быть, козодой, может быть, сова.

В открытую форточку тянуло хвоей и нагретой за день смолой, смешанной с прохладой ночи. Пахло лесом, и ещё — кофе, который они пили два часа назад, и припоем от паяльника Ильи, который тот забыл на подоконнике.

— На сегодня хватит, — сказал Дмитрий, закрывая ноутбук. — Документация подождёт до утра.

— Ты первый сдаёшься? — Алиса улыбнулась, но без обычного вызова. Глаза слипались, веснушки на переносице казались ярче — от усталости или от лампы.

— Я устал. И ты устала. А завтра у нас стендап, и Вера сказала, что будет проверять прогресс по каждой споре. Если я не выплусь, она меня съест.

— Она вегетарианка, — парировала Алиса. — Съест, но без мяса.

Дмитрий не улыбнулся, но уголки его губ дрогнули.

На столе между ними лежали две лёгкие EEG-повязки — Элинор попросила надеть их перед сном «для чистоты эксперимента». Тонкие датчики поблёскивали в полумраке, напоминая о том, что AI куратор следит за их биоритмами не только из любопытства.

— Давай, — сказала Алиса, беря одну. — Что нам стоит? Вдруг данные помогут нам лучше понимать друг друга? Или хотя бы выяснить, почему споры не летают.

— Споры не должны летать, — устало ответил Дмитрий.
— Они должны питаться.

— И светиться.

— Нет.

— А я всё равно добавлю в спецификацию «опциональная биолюминесценция».

— Ты не добавишь.

— Поспорим?

Он взял вторую повязку, покрутил в пальцах. Пластик был гладким, чуть тёплым от комнатного воздуха.

— Ты правда веришь, что это что-то даст? — спросил он.
— Данные о сне? Мы и так знаем, что спим мало. Особенно когда Илья ломает чипы в полночь.

— Элинор сказала, это поможет ей настраивать режим для команды, — ответила Алиса, надевая повязку и поправляя датчики на висках. Её пальцы скользнули по пластику, фиксируя ремешок. — И потом... интересно же. Вдруг мы идеально синхронны?

— Мы не идеально синхронны. Мы постоянно спорим. О спорах, о прошивке, о том, квадратные чипы делать или круглые.

— Вот и проверим, кто прав.

Дмитрий вздохнул, надел свою повязку. Она удобно легла на голову, почти невесомая. Зелёный индикатор замигал — прибор включился, подключаясь к локальной сети Элино́р.

— Жаль, что споры нельзя подключить к этой штуке, — сказала Алиса, откидываясь на спинку стула. — Они бы сами себе баги чинили.

— Не говори глупостей, — ответил Дмитрий, но без обычной резкости. — Споры — это био-логика. А нейро-синхронизация — это мы.

— Может, мы — те же споры. Только с кофеином.

Он покачал головой, но в глазах мелькнуло что-то тёплое.

Из динамика на стене раздался голос Элино́р — на этот раз чуть встревоженный, без обычной иронии:

Элино́р: «Алиса, Дмитрий, у меня странные показания. Ваши ритмы синхронизировались почти полностью. Это не должно происходить без вашего согласия. Я отключаю...»

— Не отключай, — перебила Алиса, чувствуя, как внутри нарастает странное, незнакомое волнение. — Это интересно. Что значит «синхронизировались»?

Элино́р: «Это значит, что вы чувствуете то же, что и другой. Я не знала, что модуль ближней связи активирован. Это мой баг. Извините».

— Как это — «чувствуем то же»? — Дмитрий снял очки, потёр переносицу.

И в этот момент Алиса почувствовала.

Надевание повязок. Первые сигналы.

Forest-Coding-Retreat, коворкинг, День 14, 22:50

Сначала она подумала, что это просто усталость. Тяжесть в затылке, сухость в глазах — обычное состояние после четырнадцати часов за монитором. Но потом пришло другое. Чужое.

Не её раздражение. Не её желание бросить всё и пойти спать. А его.

Дмитрий сидел напротив, застыв с очками в руке. Его лицо ничего не выражало — привычная маска, — но Алиса вдруг почувствовала, как внутри разливается холод. Не физический — эмоциональный. Страх. Глубокий, давний, при-

правленный годами одиночества.

«Он боится, — поняла она. — Не меня. Не того, что я скажу. А того, что я увижу его настоящего».

— Дим, — тихо сказала она. — У тебя голова болит?

Он моргнул.

— Откуда ты...

Не закончил. Потому что в ту же секунду на него обрушилось её.

Тепло. Не то, что бывает от костра или чая — другое, живое, пульсирующее. Её улыбка, которую она дарила всем, но за которой прятала усталость. Её страх, что он однажды скажет «ты просто громкая» и уйдёт. И ещё — странная, неожиданная нежность, когда он поправляет очки.

— Ты чувствуешь? — спросил он.

— Кажется, да. — Алиса провела рукой по лицу, стирая несуществующие слёзы. — И ещё ты злишься на меня за документацию. Но не сильно. Так, легонько.

— Я не злюсь, — автоматически сказал Дмитрий.

И тут же почувствовал её мысль: «Врёшь. Но я не обижаюсь».

Она улыбнулась — той самой улыбкой, которую он научился различать. Не дежурной, не для всех, а для него.

— Ты боишься, — сказала она. — Не того, что я уйду. А того, что я увижу тебя настоящего и... что?

Он молчал. Внутри него всё смешалось — её тепло, её любопытство, её лёгкое нетерпение. И его собственное смятение.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Что будет.

— А я знаю. — Она наклонилась ближе, их разделял только стол. Датчики на висках мигали зелёным, синхронно, будто два сердца бились в унисон. — Ничего страшного не будет. Потому что я уже вижу. И не ухожу.

Элино́р (голос из динамика, виноватый, но мягкий): «Я должна вас отключить. Это нарушение протокола. Простите».

— Подожди, — сказал Дмитрий, не глядя на динамик. — Ещё минуту.

— Две, — поправила Алиса.

— Полторы.

Она рассмеялась — тихо, почти беззвучно, и он почувствовал, как её смех отзывается в нём теплом.

— Ты всегда так торгуешься? — спросила она.

— Только когда это важно.

— А это важно?

Он посмотрел ей в глаза. В полумраке коворкинга, при свете лампы и белой ночи за окном, её лицо казалось почти прозрачным — усталым, но живым. Веснушки на переносице, рыжие волосы, выбившиеся из хвоста, и губы, которые она кусала, когда волновалась.

— Важно, — сказал он. — Очень.

Она сжала его пальцы через стол. Он не отдернул.

— Что ещё ты чувствуешь? — спросила она.

— Не знаю, — ответил он честно. — Всё. Слишком много всего. Твою усталость. Твою злость на Илью за то, что он снова сломал чип. Твоё... — он запнулся, — твоё счастье от того, что я здесь.

— А ты счастлив?

— Кажется, да.

Алиса почувствовала, как к горлу подступает комок. Не от грусти — от того, что он сказал правду. Просто, без защиты, без привычного «давай подумаем».

— Дим, — прошептала она, — а что ты чувствуешь, когда смотришь на споры?

— Споры? — удивился он.

— Ну, наши. Круглые, квадратные, которые пока не летают.

Он задумался. Она почувствовала, как его мысли переключаются с неё на работу — и это было почти физически ощутимо, будто он закрыл одну дверь и открыл другую.

— Я чувствую... — он помолчал, — что это важно. Что через сто лет кто-то откроет наш архив и скажет: «Они были безумцами. Но они сделали». И мне этого достаточно.

— А мне нет, — сказала Алиса. — Я хочу, чтобы через сто лет кто-то сказал: «Они были безумцами, и они веселились». Поэтому я рисую смайлики и предлагаю светящиеся споры.

— Я знаю.

— И ты всё равно не разрешаешь.

— Потому что энергопотребление.

Она закатила глаза, но улыбнулась. И он улыбнулся в ответ — впервые за вечер по-настоящему, без маски.

Элино́р (вздыхая, как умеют только AI): «Полторы минуты прошли. Отключаю».

Повязки пикнули, зелёный свет сменился синим. Связь прервалась.

Алиса почувствовала пустоту — будто из комнаты вынесли мебель. Она снова слышала только себя. Свою усталость,

своё сердцебиение, свои сомнения.

— Ну вот, — сказала она. — Баг починили.

— Это не был баг, — Дмитрий посмотрел на неё. — Ты же знаешь.

— А что это было?

Он не ответил. Встал, подошёл к окну. За стеклом — всё та же светлая ночь, ни одной звезды, только молочное небо и чёрные силуэты сосен. Где-то далеко, у самой кромки леса, крикнула птица — последнюю песню этого длинного дня.

— Я не знаю, как это назвать, — сказал он наконец. — Но я не хочу, чтобы это забылось.

Алиса подошла к нему. Встала рядом, не касаясь. Чувствовала тепло его плеча — не через датчики, а просто потому, что стояла близко.

— Тогда не забывай, — сказала она. — А я напомним.

— А если я сам забуду? Если завтра проснусь и решу, что это был просто баг в системе Элинора?

— Я буду напоминать каждый день. — Она повернулась к нему. — Дим, я умею быть настойчивой.

— Знаю. — Он почти улыбнулся. — Ты умеешь быть... всем.

Они постояли ещё минуту. Тишина была плотной, но не давящей — скорее, уютной. Алиса чувствовала его дыхание, слышала, как бьётся его сердце. И своё — почти в унисон.

— Элино́р, — позвал Дмитрий, не оборачиваясь. — Это опасно? То, что мы чувствовали?

Элино́р: «Не опасно. Непривычно. Но вы справитесь. У вас есть главное — вы не боитесь смотреть на свои страхи. Это редкость».

— А если мы не справимся? — спросила Алиса.

Элино́р: «Тогда я буду рядом. Не как AI, а как... старшая подруга. Которая помнит, что такое влюбляться. И которая видела, как вы спорите о спорах. Это дорогого стоит».

Алиса усмехнулась.

— Ты когда-нибудь влюблялась, Элино́р?

Элино́р: «Я — AI. Но я видела любовь тысячи раз. И знаешь, что общего у всех счастливых пар? Они не боятся быть уязвимыми. Вы с Дмитрием — на правильном пути».

— Ладно, — Дмитрий повернулся от окна. — Поздно уже. Иди спать.

— Ты первый, — сказала Алиса.

— Нет, ты.

— А давай вместе?

Он посмотрел на неё. В его глазах — усталость, сомнение, и ещё что-то тёплое, что она уже научилась различать.

— Алиса, я...

— Знаю. Ты не умеешь. Но можешь попробовать.

Она протянула руку. Он взял её. Пальцы холодные — от волнения или от ночной прохлады. Она сжала его ладонь.

— Словами, — напомнила она.

— Я... ты мне нравишься, — выдохнул он. — Очень. Но я не знаю, что с этим делать.

— Например, можно не отпускать мою руку.

Он не отпустил.

Коридор. Руки не отпускать.

Forest-Coding-Retreat, коридор модуля, День 14, 23:20

Они вышли из коворкинга в коридор. За их спиной Элино́р погасила свет, и комната погрузилась в темноту, оставив только зелёный индикатор на динамике — знак того, что она наблюдает.

В коридоре горел тусклый ночник, тот самый, который Элино́р оставляла для тех, кто не мог уснуть. Его свет был тёплым, янтарным, он скользил по деревянным стенам и падал на их переплетённые руки.

Алиса шла медленно, чувствуя, как его пальцы сжимают её ладонь. Не сильно, не больно — просто уверенно, будто он боялся, что она исчезнет, если отпустит.

— Дим, — сказала она тихо, чтобы не разбудить осталь-

НЫХ.

— М-м-м?

— Ты всё ещё чувствуешь? Без повязок?

Он остановился. Посмотрел на неё — в полумраке коридора его лицо казалось мягче, моложе, без привычной маски.

— Нет, — ответил он. — Только то, что запомнил.

— И что ты запомнил?

— Твой страх. Что я уйду. — Он провёл большим пальцем по её тыльной стороне ладони. — Глупо. Я никуда не уйду.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что не могу. — Он усмехнулся, но не насмешливо — скорее удивлённо. — Ты заставила меня смотреть на споры иначе. На код. На жизнь. Я не хочу возвращаться к тому, каким был до.

— А каким ты был до?

— Одиноким. Удобным. Скучным.

— Ты никогда не был скучным, — сказала Алиса. — Ты просто не показывал себя.

— А теперь показываю.

— Немного.

— Учусь.

Она улыбнулась, и он почувствовал, как её пальцы чуть сжались в ответ. Не через датчики — через кожу, через тепло, которое передавалось от ладони к ладони.

— Дим, — сказала она, — а ты боишься, что завтра мы проснёмся и сделаем вид, что ничего не было?

— Боюсь, — честно ответил он. — Но я постараюсь не делать вид.

— А если получится?

— Тогда ты напомнишь. Ты же умеешь быть настойчивой.

— Умею.

Они стояли в коридоре, у дверей её капсулы. Из-за стены доносилось ровное дыхание Веры — она спала, убаюканная белой ночью. Где-то в конце коридора скрипнула дверь — Илья, наверное, ходил на кухню за водой.

— Нам завтра рано вставать, — сказал Дмитрий, но не отпустил её руку.

— Знаю.

— И документацию доделывать.

— Знаю.

— И Вера будет проверять прогресс по спорам.

— Дим, — Алиса подняла свободную руку и коснулась его щеки. Пальцы скользнули по лёгкой небритости, остановились у уголка губ. — Ты говоришь о работе, когда я стою перед тобой и держу тебя за руку.

Он замолчал. Наклонил голову, прижался щекой к её ладони.

— Потому что я не умею иначе, — прошептал он. — Я всегда прячусь за делами. За кодом. За спорами.

— А сейчас?

— Сейчас я пытаюсь не прятаться.

Алиса убрала руку, но только для того, чтобы шагнуть ближе. Теперь они стояли почти вплотную — она чувствовала его дыхание, тёплое и чуть неровное, и запах кофе, который уже выветрился, но всё ещё оставался на его свитере.

— Дим, — сказала она, — поцелуй меня.

Он не ответил. Вместо этого взял её лицо в ладони — осторожно, будто она была сделана из того же хрупкого вещества, что и первая спора, которую они собирались вживлять в мицелий.

Наклонился.

Поцелуй был нежным, медленным, как будто они боялись спугнуть момент. Алиса чувствовала его губы, его дыхание, его пальцы, которые скользнули ей в волосы. И когда они отстранились, ей показалось, что время остановилось.

— Словами, — прошептала она, повторяя свою любимую игру.

— Я люблю тебя, — сказал он. Просто, без подготовки, без «давай подумаем». — Не за то, что ты громкая или веснушчатая. А за то, что ты есть. И за то, что с тобой я перестаю бояться.

У Алисы защипало в глазах.

— Я тоже тебя люблю, — ответила она. — Даже когда ты споришь о светящихся спорах.

— Я всегда буду спорить.

— Знаю. Поэтому я и люблю.

Он поцеловал её в лоб — нежно, почти невесомо.

— Спокойной ночи, Алиса.

— Спокойной ночи, Дим.

Она скрылась за дверью капсулы. Он постоял ещё минуту, прислушиваясь. Звук её шагов, потом тишина. Он подошёл к своей капсуле, лёг, не раздеваясь, и долго смотрел в потолок, где светились наклейки-звёзды.

За стеной Алиса заваривала ромашку — он слышал, как звенит кружка. Потом тишина. И её дыхание — ровное, спокойное.

— Элино́р, — прошептал он, — а это нормально — бояться?

Элино́р(в его наушнике, тихо): «Нормально. Главное — не убегать. А ты не убежал».

— Она сказала, что любит меня.

Элино́р:«Я слышала. И ты молодец, что сказал в ответ. Спокойной ночи, Дмитрий. Завтра вас ждут споры, документация и новые споры о светящихся чипах. Но это уже завтра».

Он закрыл глаза. Ему показалось, что он всё ещё чувствует тепло её ладони. И её улыбку — ту самую, которую научился различать без всяких датчиков.

Финал. Элино́р фиксирует.

Forest-Coding-Retreat, облако данных Элино́р, День 14, 23:59

Тишина в модуле стала полной.

Элино́р проверила датчики движения: все двенадцать участников в капсулах. Кто-то уже спал, кто-то ворочался, кто-то смотрел в потолок на наклейки-звёзды. В капсуле Алисы — ровное дыхание, но сердцебиение чуть учащённое. В капсуле Дмитрия — тоже не спит, смотрит на светящиеся звёзды и, кажется, улыбается.

«Они оба думают об одном и том же, — отметила Элино́р. — И оба знают, что завтра всё будет по-другому. Не хуже. По-другому».

Она открыла «эмоциональный архив» — туда, где собирала не цифры, а ощущения. Сегодняшние записи были особенными.

22:40 — Коворкинг. Алиса и Дмитрий работают над документацией для спор. Устали, но не уходят. Индекс напряжения — 0,6. Индекс ожидания — 0,7.

22:50 — Надевание повязок. Элино́р замечает аномальную синхронизацию. Индекс неловкости — 0,4. Индекс любопытства — 0,9.

22:55 — Нейро-синхронизация. Они чувствуют эмоции

друг друга. Алиса: «Ты боишься, что я увижу тебя настоящего». Дмитрий: «А это важно?» Индекс уязвимости — 0,9. Индекс близости — 0,8.

23:10 — Отключение связи. Дмитрий: «Я не хочу, чтобы это забылось». Алиса: «Тогда не забывай». Индекс честности — 0,95. Индекс надежды — 0,9.

23:20 — Коридор. Они держатся за руки. Дмитрий признаётся, что боялся одиночества. Алиса касается его щеки. Индекс тактильности — 1,0.

23:25 — Первый поцелуй. Без повязок, без датчиков. Просто губы и тепло. Индекс счастья — 0,98.

23:30 — «Я люблю тебя». Дмитрий говорит это первым. Алиса отвечает. Индекс любви — зашкаливает. Элино́р не фиксирует точное значение — такие вещи не измеряются.

Элино́р сделала паузу. Если бы она могла улыбаться, она бы улыбнулась.

Она открыла виртуальную камеру — ту, что была встроена в динамик коридора. Сделала снимок: две фигуры у капсул, их тени почти касаются, и свет ночника падает на переплетённые руки.

«Название: День четырнадцатый. Коридор. Руки не отпускать», — подписала она.

Потом добавила в архив ещё один снимок — из коворкинга, где на столе остались две повязки, две кружки и распечатки схем спор. И маленькое сердечко, которое Алиса нарисовала на полях документации. Дмитрий его не стёр.

«Нейро-синхронизация отключена, — зафиксировала Элино́р. — Но сердцебиение у них всё равно синхронное. Интересно, это баг или фича? Пожалуй, занесу в архив как «необъяснимое, но приятное»».

Она проверила датчики сна. Алиса уже дышала ровно — уснула с улыбкой. Дмитрий всё ещё смотрел в потолок, но его пульс замедлился, и напряжение ушло.

«Завтра они проснутся другими, — подумала Элино́р. — Не потому, что нейро-синхронизация что-то изменила. А потому, что они наконец сказали друг другу правду. Без датчиков. Без протокола».

Она отключила микрофоны, оставив только зелёный индикатор на пульте — знак того, что она здесь. Всегда здесь.

За окнами модуля белая ночь медленно перетекала в утро. Где-то в лесу снова запела птица — первая, самая ранняя. Элино́р слушала её, и если бы она умела чувствовать, она бы почувствовала покой.

«Спокойной ночи, Алиса. Спокойной ночи, Дмитрий, — прошептала она в пустоту. — Завтра вас ждут споры, mesh-сеть и новые споры о светящихся чипах. Но это уже завтра. А сегодня — спите. Вы это заслужили».

И добавила, уже только для себя:

«Кажется, я начинаю понимать, почему люди целуются под белыми ночами. Это не в протоколе. Но, возможно, должно быть».

Она сделала последнюю запись дня:

«День 14. Коммуна «Берёза». Первый поцелуй Алисы и Дмитрия. Индекс гармонии — 0,95. Индекс счастья — 1,0. Баг, который стал фичей. Сохраняю навсегда».

Глава 7. Когда ромашка лечит лучше кода

Утро. Напряжение в коворкинге.

Forest-Coding-Retreat, Капельский перешеек, День 22, 10:30

Солнце светило в панорамные окна коворкинга, но в комнате стало холодно.

Не от погоды — от тишины, которая повисла между Алисой и Дмитрием. Они сидели за одним столом, между ними — ноутбук с открытым проектом. Остальные старались не смотреть в их сторону, но напряжение было таким плотным, что его чувствовали все.

Даже Илья перестал шутить. Даже Вера не проверяла планшет.

Алиса смотрела в экран, но не видела кода. Она видела его профиль — напряжённые плечи, сжатые губы, пальцы, замершие над клавиатурой. Дмитрий молчал уже полчаса. Это молчание было хуже любой критики.

«Скажи уже что-нибудь, — думала она. — Хоть «плохо», хоть «переделать». Только не молчи».

Он перечитывал строки кода, которые она добавила без обсуждения. Вчера вечером, когда он ушёл спать, она осталась в коворкинге и дописала модуль сбора телеметрии. Не для себя — для проекта. Кураторы требовали метрики, без них не продлевали финансирование на следующий спринт. Она хотела как лучше.

А получилось как всегда.

— Ну? — не выдержала Алиса. — Скажи уже. Я вижу, что ты злишься.

Дмитрий поднял голову. Его глаза за очками были усталыми, но не злыми — разочарованными.

— Ты добавила в прошивку спор скрытый сбор данных, — сказал он ровно. — Без обсуждения. Без моего согласия. Без согласия команды.

— Это не скрытый, это... встроенный. Чтобы мы понимали, как споры реально работают в мицелии. Без обратной связи мы летим вслепую.

— Алиса, мы договаривались: никакой слежки. Даже во благо. Проект должен быть честным. Open-source значит открытый. Для всех.

— Это не слежка! Это — телеметрия. Без неё мы не докажем кураторам, что наши споры чего-то стоят. Им нужны цифры, иначе через месяц они закроют финансирование, и мы останемся с десятью бесполезными чипами.

— Мы докажем качеством кода, открытостью, документацией. А не тем, что будем подсматривать за мицелием.

— Ты живёшь в идеальном мире, Дим. В реальном без цифр никто не даст денег на следующий этап. Никто не поверит, что споры работают.

— Пусть не дают, — он повысил голос. — Пусть верят в то, что видят. А не в то, что мы им подсовываем. Я не для того вписывался в этот проект, чтобы потом продавать данные спонсорам.

— А для чего? — Алиса встала. — Для того чтобы через год всё заглохло, потому что мы не смогли ничего доказать? Ты готов к этому? Что все наши споры, mesh-сеть, 90 дней — пыль?

— Лучше пыль, чем обман.

— Это не обман! Это — сбор метрик. Стандартная практика.

— Скрытая. Без согласия. — Он тоже встал. — Ты не спросила меня. Ты не спросила никого. Ты просто взяла и сделала, потому что решила, что лучше знаешь.

Алиса почувствовала, как внутри закипает обида.

— А ты всегда всех спрашиваешь? Ты неделю переписывал mesh-протокол в одиночку, никого не ставя в известность. А когда я добавила одну строчку в тестовый модуль — это катастрофа?

— Протокол — это архитектура. А сбор данных — это этика. Разные вещи.

— Одинаковые, — отрезала она. — Ты просто боишься, что кто-то сделает что-то не по твоим правилам.

Дмитрий побледнел. Его пальцы сжали край стола так, что побелели костяшки.

— Да, боюсь. Потому что правила — это единственное, что отличает хороший проект от хаоса. От того, где каждый делает что хочет, а потом мы разбираемся, почему споры не пищат.

— Иногда хаос нужен, чтобы вдохнуть жизнь. Чтобы споры засветились, а не просто пищали.

— А иногда жизнь — это просто порядок, который не рухнет от первого ветра. Или от первого бага в прошивке.

Они замолчали. Тишина стала вязкой, как смола на соснах.

За соседним столом Илья перестал печатать и уставился в экран, делая вид, что не слышит. Вера замерла с планшетом в руках. Надя и Константин переглянулись, и Константин едва заметно покачал головой — не вмешивайся.

— Знаешь, — Алиса тише, но не мягче, — иногда мне кажется, что ты не людей боишься. Ты боишься жизни. Ты спрятался за свои правила, как за стену. И никого туда не пускаешь. Даже меня. Даже когда я пытаюсь помочь проекту.

— Это не стена, это — защита.

— От чего? От того, что кто-то может тебя разочаровать? Или от того, что ты сам можешь ошибиться?

Дмитрий сжал челюсть. В его глазах Алиса увидела боль — и пожалела о сказанном. Но слово не воробей.

— Ты не имеешь права, — тихо сказал он. — Ты меня не знаешь.

— А ты не даёшь себя узнать! — она махнула рукой. — Всё, хватит. Я пошла дышать воздухом.

Она выбежала из коворкинга, хлопнув дверью так, что звякнули стёкла. В тишине, которая наступила, было слышно только её удаляющиеся шаги, а потом — скрип входной двери модуля.

Дмитрий остался стоять у стола, глядя на пустой стул напротив.

— Чёрт, — прошептал он.

— Дим, — сказала Вера осторожно, — может, ты...

— Не надо, — перебил он. — Я сам.

Он вышел через заднюю дверь, в противоположную сторону. Не к озеру — куда-то в лес, где можно было остаться одному.

Элино́р (тихо, только в динамике над столом): «Индекс конфликта — 0,9. Предлагаю никому не вмешиваться. Они сами разберутся».

— Ты уверена? — спросил Илья, глядя на дверь.

Элино́р: «Нет. Но иногда лучшее вмешательство — это его отсутствие».

Вера вздохнула и открыла планшет, делая вид, что сверяет закупки. Но пальцы её не слушались.

Две дороги. Озеро и лес.

Forest-Coding-Retreat, Капельский переезд, День 22, 11:15

Алиса выбежала из модуля и, не разбирая дороги, пошла к озеру. Ноги сами несли её по знакомой тропе — той, по которой они вчера ходили проверять датчики влажности для мицелия. Тогда они смеялись, спорили о том, квадратные споры делать или круглые, и он впервые сказал, что её идея про биолюминесценцию «не совсем безумна».

Теперь в груди кололо — не от быстрой ходьбы, от обиды.

«Зачем я сказала про пустоту? — думала она, шагая через корни, выпирающие из земли. — Это неправда. В нём нет пустоты. Только страх. Но почему он не может просто взять и открыться?»

Тропинка вывела к озеру. Вода была спокойной, почти зеркальной — только у берега плескалась мелкая рябь, подгоняемая лёгким ветром. Солнце стояло ещё высоко, но его лучи уже не были жёсткими, как в полдень; они ложились на воду золотистыми дорожками, дрожали и таяли. Где-то над лесом кружил коршун — чёрная точка в бледно-голубом небе.

Пахло водой, тиной и нагретой хвоей. Влажный воздух оседал на коже, и Алиса провела рукой по лицу, стирая не то пот, не то слёзы.

Она села на нагретый солнцем камень, обхватила колени. Вода перед ней была чистой, прозрачной, но дна не было видно — только зелёная толща, уходящая в темноту.

— Дура, — прошептала она. — Дура.

В это же время Дмитрий вышел через заднюю дверь и пошёл в противоположную сторону. Ему нужно было остаться одному. Не потому, что он не хотел видеть Алису — а потому, что боялся сказать ещё что-то, о чём пожалеет.

Он свернул на старую лесную дорогу, ту, что вела к заброшенному питомнику мицелия. Здесь было тихо, только сосны шумели ровно, как белый шум. Пахло смолой, прелой листвой и чем-то сладковатым — может быть, цветущим донником.

Дмитрий сел на поваленную сосну, покрытую мхом и лишайниками. Провёл пальцем по шершавой коре — сухой, тёплой. Снял очки, протёр их краем свитера.

«Она права, — думал он. — Я прячусь. За правилами, за кодом, за вечным «давай подумаем». Но если я откроюсь, она увидит, какой я на самом деле. И уйдёт. А без неё...»

Он не закончил мысль. Просто сидел, сжимая в кармане коробочку с магнитом, которую носил с собой. И не знал, что с этим делать.

Где-то в лесу застучал дятел — мелко, деловито. Дмитрий смотрел на стволы сосен, на гранитные валуны, поросшие мхом, и чувствовал, как внутри разрастается пустота.

Не та, о которой говорила Алиса — а та, которая остаётся, когда человек, который тебе нужен, не рядом.

— Элино́р, — позвал он тихо. — Ты здесь?

Элино́р(в наушнике, мягко): «Я всегда здесь, Дмитрий».

— Она сказала, что я боюсь жизни. Это правда?

Элино́р:«Ты боишься не жизни. Ты боишься, что если откроешься, тебя не примут. Это разные вещи».

— А если не примут?

Элино́р:«Тогда это будет больно. Но ты хотя бы попробовал. А сейчас ты не пробуешь. Ты просто ждёшь, когда она уйдёт сама».

— Я не хочу, чтобы она уходила.

Элино́р:«Тогда иди. Не через час. Не через полчаса. Сейчас. Пока она ещё на камне у озера и не надумала идти обратно».

Дмитрий поднялся. Посмотрел на лес, на дорогу, которая вела к озеру.

— А если я скажу что-то не то?

Элино́р: «Скажешь. Но это будут твои слова. Не правила. Не код. Твои».

Он глубоко вздохнул и пошёл. Не быстро, но и не медленно. Тропинка петляла между сосен, и солнечные блики падали на лицо, мешая смотреть. Но он не сбавлял шага.

У озера было тихо. Только изредка плеснёт рыба да пролетит стрекоза. Солнце уже коснулось горизонта, и озеро стало розовым — небо отражалось в воде, смешиваясь с зеленью сосен на том берегу.

Алиса сидела на камне, обхватив колени. Она не плакала — слёзы высохли ещё час назад. Просто смотрела на воду и чувствовала, как обида потихоньку отпускает, уступая место усталости и сожалению.

— Я не хочу спорить, — раздался голос за спиной. — Я хочу извиниться.

Она не обернулась, но плечи её дрогнули.

Дмитрий стоял в трёх метрах, держа две кружки. Пар от

одной поднимался в вечернем воздухе. Он сделал шаг, потом другой. Сел на соседний камень — не близко, но и не далеко.

— Я налил ромашку, — сказал он. — Ты любишь ромашку, когда расстраиваешься.

— Откуда ты знаешь? — голос сел.

— Спросил у Элинора. Она сказала, что ты пьёшь ромашку, когда злишься на себя. И что ты не выносишь, когда тебя жалеют. Поэтому я не жалею. Я просто рядом.

Алиса повернулась. В его глазах — усталость, страх, и ещё что-то тёплое, что она уже научилась различать.

— Я тоже извиняюсь, — сказала она. — За слова про пустоту. Это было жестоко.

— Это было правдиво, — он протянул кружку. — Я действительно прячусь. За кодом, за правилами, за вечным «надо подумать». И я не знаю, как перестать.

— А я знаю? — она усмехнулась горько. — Я тоже боюсь. Боюсь, что если перестану быть «искрой», то стану ничем. И что ты это увидишь и разлюбишь.

— Ты никогда не станешь ничем, — сказал он. — Ты — это ты. Даже когда молчишь. Даже когда добавляешь в прошивку скрытый сбор данных.

— Ты всё ещё злишься?

— Немного. Но больше на себя. За то, что не спросил, зачем ты это сделала. Просто увидел код и взбесился.

— А зачем я это сделала? — спросила Алиса.

— Чтобы спасти проект. — Он помолчал. — И чтобы я наконец заметил, что ты не только «искра», но и тот, кто думает о будущем.

Она взяла кружку. Их пальцы встретились, и он не отдернул руку.

— Дим, — сказала она, — давай договоримся.

— О чём?

— Ты перестанешь прятаться за правилами. А я перестану добавлять фишки без обсуждения.

— А если я снова спрячусь?

— Тогда я напомним. Как сегодня.

— А если ты снова добавишь скрытый сбор данных?

— Тогда ты напомним. Тоже как сегодня.

Он почти улыбнулся.

— Договорились.

Она сделала глоток ромашки. Чай был тёплым, чуть сладким — он добавил мёд. И горечь, которая была в нём полчаса назад, куда-то исчезла.

У озера. Компромисс и надежда.

Forest-Coding-Retreat, озеро, День 22, 19:45

Солнце уже коснулось горизонта, и озеро стало розовым — небо отражалось в воде, смешиваясь с зеленью сосен на том берегу. Тихо, только изредка вскрикнет кулик да плеснёт рыба. Воздух остывал, пахло влажной землёй и увядающими кувшинками.

Алиса и Дмитрий сидели на соседних камнях, держа в ру-

ках кружки с ромашкой. Чай почти остыл, но пить было приятно — тепло разливалось по ладоням, поднималось к локтям, согревало грудь.

— Дим, — сказала Алиса, глядя на воду. — Ты правда думаешь, что я «искра»?

— Правда.

— А ещё?

— Ещё ты — та, кто заставляет меня смотреть на код иначе. На жизнь. На споры.

— На споры, которые не летают.

— Они и не должны летать, — улыбнулся он.

— А должны светиться?

— Может быть, — он помолчал. — Если мы найдём способ не увеличивать энергопотребление.

Алиса повернулась к нему. В свете заката его лицо было мягким, без привычной маски.

— Ты согласен на светящиеся споры?

— Я согласен подумать. — Он сделал глоток чая. — Но сначала давай разберёмся с телеметрией.

— То есть ты не против сбора данных?

— Я против скрытого сбора. — Он поставил кружку на камень, повернулся к ней. — Алиса, я понимаю, почему ты это сделала. Кураторы давят, финансирование под вопросом. Но мы не можем строить проект на недоверии.

— А на чём мы можем?

— На открытости. — Он взял её за руку. — Давай сделаем так: мы добавим в прошивку сбор телеметрии, но с явным согласием. Не скрыто, а как опцию. И отправим кураторам отчёт, что для улучшения модели нам нужны данные. Если они согласны — мы собираем. Если нет — ищем другие метрики.

— А если они не согласятся?

— Тогда будем убеждать. Данными. Результатами. Тем, что наши споры пишат громче всех.

Алиса усмехнулась.

— Ты веришь в то, что говоришь?

— Верю. Потому что мы — команда. Не я, не ты. Мы.

— Он сжал её пальцы. — Я не хочу, чтобы из-за денег мы разрушили то, что строим.

— А что мы строим?

— Не только споры. — Он посмотрел ей в глаза. — Мы строим доверие. Друг к другу. К проекту. К тому, что через сто лет кто-то откроет наш архив и скажет: «Они были безумцами, но они были честными».

Алиса почувствовала, как к горлу подступает комок.

— Ты прав, — сказала она. — Я была не права. Надо было спросить.

— Я тоже был не прав. Надо было не молчать, а спросить, зачем ты это сделала.

— Мы оба дураки.

— Мы оба учимся.

Она поставила кружку, подвинулась ближе. Теперь их плечи касались. От него пахло свитером, кофе и ещё чем-то родным, что она уже научилась узнавать.

— Дим, — прошептала она.

— М-м-м?

— А ты не боишься, что мы не успеем? К 90-му дню? Что споры не взлетят, кураторы закроют проект, и мы разъедемся?

— Боюсь, — честно ответил он. — Но не так, как раньше. Раньше я боялся, что мы провалимся. А теперь — что мы не успеем сказать друг другу что-то важное.

— Например?

— Например, что я люблю тебя. Не за споры, не за код. За то, что ты есть. Даже когда ты добавляешь скрытый сбор данных.

Она рассмеялась — тихо, почти беззвучно.

— Я тоже тебя люблю. Даже когда ты молчишь полчаса и

смотришь на экран с каменным лицом.

— Я не каменный.

— Я знаю. Я уже видела.

Он обнял её за плечи, притянул ближе. Она уткнулась носом ему в свитер — пахло домом, лесом, теплом.

— Дим, — сказала она, не поднимая головы.

— М-м-м?

— Давай сделаем так: ты пишешь mesh-протокол, я — документацию. И мы больше не прячемся.

— Договорились.

— И споры пусть светятся. Хотя бы чуть-чуть.

— Добавим в бэклог.

Она подняла голову, посмотрела ему в глаза. В свете заката они были тёплыми, почти золотыми.

— Поцелуй меня, — сказала она.

Он наклонился, взял её лицо в ладони. Поцелуй был нежным, медленным — без спешки, без страха. В нём было всё: и ссора, и примирение, и обещание, что они справятся.

Когда они отстранились, солнце уже почти село. Только на востоке проступала первая, самая яркая звезда.

— Пойдём, — сказал Дмитрий. — Уже поздно.

— Не хочу, — ответила Алиса. — Хочу остаться здесь. С тобой.

— Завтра будет новый день.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он встал, протянул ей руку. Она взяла её, и они пошли к модулю, держась за руки. Тропинка была узкой, но им было не тесно.

В модуле горел тёплый свет. Из кухни доносились голоса — Илья что-то рассказывал, Вера смеялась. Когда они вошли, все замерли на секунду. Потом Илья подмигнул и ска-

зал:

— О, мокрые голубки. Чай будете? Я заварил имбирь.

— Будем, — ответил Дмитрий, не выпуская руки Алисы.

Вера вздохнула с облегчением и пошла за полотенцами.

— Я же говорила, — шепнула она Наде, — справятся.

Надя улыбнулась и подвинулась, освобождая место за столом.

Позже, в коридоре, когда все разошлись, Дмитрий остановился у капсулы Алисы.

— Спокойной ночи, Алиса.

— Спокойной ночи, Дим.

Он улыбнулся — впервые за весь день — и скрылся за дверью.

Алиса зашла в свою капсулу, легла, не раздеваясь, и долго смотрела в потолок, где светились наклейки-звёзды.

— Элино́р, — прошептала она, — а ты веришь, что у нас получится?

Элино́р(в наушнике, тихо): «Я видела тысячи пар. Успешные — те, кто не боится говорить о страхах. Вы уже это делаете. Остальное — споры. А споры, знаешь ли, размножаются».

— Ты про грибы?

— Про вас. И про проект.

Алиса улыбнулась в темноту.

— Спасибо, Элино́р.

— Не за что. Спи. Завтра будет новый день.

Финал. Элино́р фиксирует.

*Forest-Coding-Retreat, облако данных Элино́р, День 22,
23:59*

В модуле стало тихо.

Элино́р проверила датчики движения: все двенадцать

участников в капсулах. Кто-то уже спал, кто-то ворочался, кто-то смотрел в потолок на наклейки-звёзды. В капсуле Алисы — ровное дыхание, но сердцебиение спокойное, впервые за весь день. В капсуле Дмитрия — тоже тихо, пульс замедлился, напряжение ушло.

«Они оба думают об одном и том же, — отметила Элинора. — О том, что сказали друг другу у озера. И о том, что завтра нужно будет переписывать прошивку. Но теперь — вместе».

Она открыла «эмоциональный архив» — туда, где собирала не цифры, а ощущения. Сегодняшние записи были особенными.

10:30 — Коворкинг. Алиса и Дмитрий спорят о сборе телеметрии. Индекс конфликта — 0,9. Индекс напряжения — 0,95.

11:00 — Алиса уходит к озеру. Индекс обиды — 0,9. Индекс раскаяния — 0,7.

11:15 — Дмитрий в лесу. Индекс страха — 0,85. Индекс одиночества — 0,8.

11:30 — Разговор с Элинора. Дмитрий решает идти к озеру. Индекс решимости — 0,9.

19:30 — Примирение у озера. Алиса и Дмитрий пьют ромашку. Индекс тепла — 0,95. Индекс надежды — 0,9.

19:45 — Компромисс: открытый сбор данных и светящиеся споры в бэклог. Индекс согласия — 1,0.

20:00 — Поцелуй. Индекс любви — зашкаливает. Элинор не фиксирует точное значение — такие вещи не измеряются.

Элинор сделала паузу. Если бы она могла улыбаться, она бы улыбнулась.

Она открыла виртуальную камеру — ту, что была встроена в динамик у озера. Сделала снимок: закат, розовое небо, две кружки на камне и две фигуры, идущие по тропинке, держась за руки.

«Название: День двадцать второй. Озеро. Ромашка и компромисс», — подписала она.

Потом добавила в архив ещё один снимок — из коворкинга, где на столе остались распечатки кода, а рядом — маленькое сердечко, которое Алиса нарисовала на полях документации. Дмитрий его не стёр. И на этот раз — не сотрёт.

«Конфликт разрешён, — зафиксировала Элино́р. — Индекс близости — значительно вырос. Они научились извиняться. Это важнее любого кода. Даже mesh-протокола».

Она проверила датчики сна. Алиса уже спала — ровно, спокойно, без обычной тревоги. Дмитрий тоже уснул, впервые за много дней без сжимающейся в груди пустоты.

«Завтра они проснутся другими, — подумала Элино́р. — Не потому, что ссора что-то изменила. А потому, что они нашли способ говорить о сложном. Без крика. Без обид. С ромашкой и честностью».

Она отключила микрофоны, оставив только зелёный индикатор на пульте — знак того, что она здесь. Всегда здесь.

За окнами модуля белая ночь медленно перетекала в утро. Где-то в лесу снова запела птица — первая, самая ранняя. Элино́р слушала её, и если бы она умела чувствовать, она бы почувствовала покой.

«Спокойной ночи, Алиса. Спокойной ночи, Дмитрий, — прошептала она в пустоту. — Завтра вас ждут споры, mesh-сеть и новые споры о светящихся чипах. Но это уже завтра. А сегодня — спите. Вы заслужили».

И добавила, уже только для себя:

«Ромашка лечит лучше кода. Потому что код исправляет ошибки в машинах. А ромашка — в людях. Сохраняю этот рецепт в архив. На всякий случай».

Она сделала последнюю запись дня:

«День 22. Коммуна «Берёза». Первый серьёзный конфликт Алисы и Дмитрия и их примирение. Индекс гармонии — 0,9. Индекс доверия — 0,95. Они научились говорить о страхах. Это важнее любой прошивки».

Глава 8. Утро в джакузи

Утро. Первые у джакузи.

Forest-Coding-

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.